НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

СПЕЦНАЗ ГРУ

Михаил НЕСТЕРОВ

ДИВЕРСАНТЫ ИЗ ИНКУБАТОРА

Михаил Нестеров

Диверсанты из инкубатора

Серия «Диверсанты из инкубатора», книга 1

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162564
Диверсанты из инкубатора: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24518-5

Аннотация

В недрах ГРУ реализован суперпроект подготовки высококлассных диверсантов. В засекреченную школу-инкубатор набираются подростки-беспризорники с определенными задатками. За несколько лет из них выковываются профессионалы экстра-класса. Первое же задание, полученное тремя лучшими воспитанниками инкубатора, оказалось крайне серьезным. Им предстоит уничтожить генерала-перебежчика Фокина, который скрывается на итальянском горном курорте. Но кто бы мог представить, какую западню устроили в логове предателя итальянские спецслужбы!

Содержание

Пролог 6
Глава 1 17
Глава 2 30
Глава 3 38
Глава 4 48
Глава 5 57
Глава 6 71
Глава 7 76
Глава 8 84
Глава 9 98
Глава 10 107
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Михаил Нестеров
Диверсанты из инкубатора

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное негативное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

«Однажды за вами придут. Это может случиться скоро. Может быть, ваше ожидание затянется на месяцы и годы. Проект закрыт. Готовьтесь к тому, что вас могут нанять политические конкуренты создателей проекта. Вы должны беспрекословно выполнять приказы ваших работодателей».
Обращение начальника спецкурса к выпускникам «Инкубатора».

В ноябре 1997 года в Министерстве обороны принято решение взять шефство над беспризорными детьми и подростками. Приказом министра обороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управ-

ление воспитательной работы. К программе подключены представители других структур силовых ведомств. Руководство ГРУ предоставляет базу на сокращаемой военной школе, чтобы создать новое учебное заведение по типу суворовских училищ.

Уволенные по сокращению офицеры-преподаватели, инструкторы военной разведки становятся в новом учебном заведении наставниками подростков. Разведывательное ведомство проводит занятия по военно-прикладным видам спорта. В то же время проходит отбор лучших подростков с перспективой дальнейшего обучения по программе спецназа. В августе 1998 года укомплектованная группа подростков в возрасте 15–16 лет выводится из единой системы военного образования Вооруженных сил как отдельная школа, получившая название «Инкубатор». Там начинает функционировать диверсионная школа, проект, получивший название «Организованный резерв».

Пролог
Распродажа

Москва, август 2004 года

Дежурный по отделению милиции в очередной раз бросил взгляд на факс, полученный нынешним утром из Главка по воспитательной работе Минобороны:

> *«Совместно с Администрацией президента Российской Федерации, правительством России Министерство обороны проводит акцию для детей-сирот под девизом «Вам жить в XXI веке». Цель акции – улучшение воспитательной работы с несовершеннолетними гражданами страны».*

Дальше шли руководящие указания сотрудникам милиции: докладывать по указанным ниже телефонам о задержанных подростках. Этот факс тут же получил в отделении внутренних дел название «Распродажа».

Ознакомившись с содержанием факса, разосланного минобороновским главком по многочисленным отделениям, отделам и управлениям Министерства внутренних дел, начальник отделения в звании майора наставительно произнес:

– Такие начинания надо только приветствовать. В стране

насчитывается около миллиона беспризорников. Сегодня в камере нашего отделения побывает не меньше двадцати голодранцев.

Лейтенант позвонил по телефону, указанному в конце документа. Выслушав абонента, покивал и записал на листе бумаги: «Старший лейтенант Вадим Левицкий». Озвучил, дабы не молчать, и оставил инициативу в разговоре за собой.

– Значит, приедет старлей Левицкий. Ладно, будем ждать.

Закончив разговор, он вышел из-за стола дежурного по отделению размять ноги. Несколько раз отжался от решетчатой двери камеры, крепко схватившись за прутья и делая вид, что отжимается от пола. Задержанные подростки переглянулись. Один из них покрутил у виска пальцем и рассмеялся.

Лейтенант вытер руки носовым платком, поздновато вспомнив о том, что задержанные всех мастей имели привычку харкать через прутья решетки в коридор. В основном слюни бомжей, грабителей, проституток, нелегалов, бритоголовых и прочего отребья попадали на прутки, и тогда решетка походила на злобный оскал слюнявого бульдога из японских комиксов.

– Михей, – лейтенант нацелил палец в парня лет пятнадцати, – сколько раз тебя забирали в отделение?

– Сколько отпускали. Раз сорок.

– Надеешься вернуться на свой родной Ярославский вокзал?

– А куда я денусь? Мне нравится здешний режим.

Лейтенант рассмеялся. Без фальши. Что сразу бросилось в глаза Михаилу Наймушину.

– Забыл киксануть?

– Я серьезно, Михей. – Лейтенант разговаривал с ним, как со взрослым. Может, по той причине, что Наймушин в своей среде был «лучшим среди равных». Он не нюхал клей, не засыпал с купюрой в ноздре. Возможно, потому, что на улице оказался всего четыре месяца назад, когда его спившиеся родители продали квартиру на Краснопрудной улице, петлей объединившей три столичных вокзала: Ярославский, Ленинградский и Казанский.

Лейтенант вернулся на место дежурного и снял трубку давно трезвонившего телефона.

– Дежурный по отделению лейтенант Абазов. Звоните по «02». Меня не волнует, что драка под окнами отделения.

Он положил трубку. Обругал пенсионера, квартира которого находилась на третьем этаже соседнего здания. Бдительный жилец не отходил от окон, выходящих на Краснопрудную, и тревожил дежурного, едва замечал подозрительных лиц и даже назревающие конфликты.

Зная, что беспокойный жилец не уймется и будет долбить, как дятел, дежурного, лейтенант прибег к помощи радикального средства, который изобрел его напарник. Он снова подошел к камере, отыскал глазами среди подростков Михея.

Пошептавшись с ним, лейтенант открыл дверь, выпустил

малолетнего задержанного и снова запер камеру.

Порывшись в ящике стола, который был забит колющими и режущими предметами, изъятыми у нарушителей за последние полтора-два месяца, подобрал для предстоящей работы перочинный нож. Вручив оружие Михею, хлопнул его по плечу и проводил до выхода. Напоследок напомнил номер квартиры пенсионера и код замка:

– Тридцать четвертая, не забыл? Код 190.

– Помню. Пятнашку не дашь? За работу, ну?

Абазов порылся в кармане, вынул помятую десятирублевку и сунул в грязную ладонь парня.

Михей обошел здание, набрал код на металлической двери и вскоре скрылся в подъезде. Поднявшись на третий этаж, внимательно изучил распределительную телефонную коробку. Определив провод, ведущий в квартиру пенсионера, обрезал его в двух местах, обрезок скрутил и спрятал в карман. Позвонил в квартиру и заложил руки за спину.

Дверь открыл старикан лет семидесяти с мохнатыми, как еловые лапы, бровями.

– Чего тебе?

– Спросить хотел. Телефон у вас работает? Мне надо на вокзал позвонить, чтобы поезд без меня не отправляли.

Михей не стал дожидаться реакции старика. У него сто раз обрезали телефонный провод, и, может быть, он впервые определил, кто именно.

Наймушин снова вышел на освещенную улицу. Чуть при-

тормозил у отделения милиции, когда к парадному подъехал черный джип. Из машины вышел высокий парень в спортивном костюме и кожаной безрукавке и нажал на кнопку звонка. Несколько секунд спустя он вошел внутрь, забыв поставить машину на сигнализацию и запереть дверцу.

Наймушин прошел мимо. Свет из окон и фонаря позволил ему разглядеть пустой салон. В джипе никого. Он припомнил слова дежурного: «Приедет старлей Левицкий!» «Он тоже мент?» – задался Михей вопросом.

Он оглянулся на дверь отделения милиции и сосредоточил взгляд на дверце машины. Если действовать, то быстро. Он открыл дверцу со стороны водителя, скользнул за руль и наклонился, разглядывая марку магнитолы. По его губам пробежала скорая, как электрический заряд, улыбка: «Пионер» КЕН-2430. Марка не новая, с ручкой, прятавшейся за нижней частью панели. «Жаль, – подумал Наймушин, – нет времени снять 25-ваттные динамики». Он вытянул ручку и потянул магнитофон. Он уже выбирался из машины, когда чья-то крепкая рука схватила его за плечо. Михей первым делом выпустил «Пионер» из рук и поднял их.

Нет, он не мент, определил Наймушин. Потому что Левицкий сам нагнулся за магнитофоном, был бы милиционером – приказал бы поднять магнитофон, иными словами, взять в руки украденную вещь.

Бросив магнитофон на сиденье, Вадим Левицкий закрыл дверцу и совершил вторую ошибку. Он крепко взял Михея

за руку и кивнул на отделение милиции:

– Пошли. Не заставляй меня делать тебе больно.

Михей – обладатель третьего дана «сандан» отреагировал моментально: перехватил своей левой рукой руку Левицкого, и его пальцы оказались внутри захвата, как в замке, к которому Михей резко присоединил свое тело. Со стороны казалось, что у него нарушена координация. Он сгибался, увеличивая раскручивание. Правая рука поворачивала запястье Левицкого по кругу слева направо, тогда как левая кисть поворачивалась в противоположном направлении. Под воздействием этого скручивания старлей упал на колени. Михей тут же выставил вперед левую ногу как защиту против возможной атаки.

Левицкому показалось, что этот паренек с бараньим весом одет в хакаму. Но он не был бы собой, мастером рукопашного боя, если бы, превозмогая боль в руке и нарываясь на вывих, снес парня обратной подсечкой под колено. Лежа на асфальте, Левицкий мог рассчитывать только на силу. Он был тяжелее противника в два раза, в сотни раз опытнее и все равно не мог отделаться от ощущения, что столкнулся в этот вечер с детенышем терминатора. Дальше он автоматически сработал жестче, чем требовалось против обычного пятнадцатилетнего парня: ударил его в шею открытой ладонью; удар ребром ладони стал бы для Михаила Наймушина последним.

Вглядываясь в его обескровленное лицо, Левицкий хрип-

лым шепотом спросил:

– Кто ты?

Вопрос не глупый и не праздный. Так офицера ГРУ не разводили на татами даже шкафы весом за центнер. Причем этот паренек не атаковал, а защищался. А ведь мог добить, ударив ногой в горло. Но выставил ногу как барьер. Откуда этот по виду бродяга знаком с приемами айкидо?

– Бродяга.

– То, что нужно.

Свободной рукой Левицкий изобразил жест: «Веди себя тихо». Голова качнулась со схожим предупреждением: «Не надо». И повторился:

– Пойдем со мной. На этот раз ты не сбежишь.

– Мне в лом бежать от тебя, – также с хрипотцой ответил Наймушин. – И не было никакого раза. Если бы я захотел сбежать, то не ты остановил бы меня.

– Не я? А кто?

– Фонарный столб, может быть.

В отделении милиции лейтенант Абазов встретил Наймушина насмешкой:

– Так сколько раз тебя забирали в отделение?

– Знакомый? – спросил Левицкий, не отпуская Наймушина.

– Старый знакомый, – акцентировал дежурный. – Давай, Михей, топай в камеру. Не повезло тебе сегодня.

– Погоди, – остановил его гость. – Пристегни его к решет-

ке. – Вадим проследил за ним и кивнул: – Отойдем в сторонку, пошепчемся. Куришь?

Левицкий угостил милиционера сигаретой, дал прикурить от своей зажигалки. Поглядывая в сторону обезьянника, он задавал короткие вопросы:

– Как его зовут? Где его родители? Есть ли родственники? Откуда познания в айкидо?

Лейтенант отвечал кратко. На последний вопрос ответил с затруднением.

– Точно не скажу. Он лет с двенадцати в динамовскую спортшколу начал ходить. Динамовскую, сечешь? Вроде наш человек. Поэтому отношение к нему особое.

– Тебе жалко его?

– Я пожалею его, – пообещал милиционер. – Если ты заберешь его (кивок в сторону приколотого к стене факса) согласно директивы Минобороны. Его никакой военный интернат, никакие кадила, суворовские каблухи и бурсы не перевоспитают. – Милиционер сильно ссутулился, изображая горбатого. – Его могила исправит. Спорим, что через месяц, если не раньше, Михей снова окажется в этой камере?

Левицкий не стал спорить.

– Выводи остальных, – распорядился он.

Через минуту задержанные подростки стояли в коридоре и с нарастающим беспокойством смотрели на крепкого парня лет двадцати восьми. Левицкий прохаживался по коридору, надолго задерживая взгляд на подростках. Он походил

на рабовладельца, осматривающего живой товар.

– Открой рот, – потребовал он от парня по имени Виктор Скобликов.

– Сам открой.

– Не заставляй меня повторять дважды. Я хочу посмотреть на твои зубы.

– Ищешь трансплантаты для своей подруги?

Левицкий остался непроницаем.

– Если мне понравятся твои резцы, будешь играть на трубе в команде воспитанников. Если понравятся клыки – будешь рвать себе подобных в кадиле.

– А если тебе ни те ни другие не понравятся?

– Вернешься сначала на нары, а потом в канаву, откуда тебя вытащили.

Скоблик показал зубы, широко улыбнувшись. Но громила смотрел не на зубы, а в глаза, не нашел в них фальши, испуга. Не оборачиваясь к дежурному по отделу, Левицкий сказал:

– Я беру этого.

– Этот дорого стоит. – Лейтенант невольно подыграл военному разведчику, изображая работорговца. – Не скажу, что он спортсмен. Но видел бы ты, какие трюки он на велосипеде откалывает. На пятый этаж по балконам заезжает.

– Куда ты меня берешь? – встрепенулся Скоблик, сверля Левицкого глазами. – Я не педик, понял?

– Заткнись, – прикрикнул старлей. – Руки. Руки вперед. – Он вынул из кармана наручники и защелкнул одно кольцо на

запястье подростка. Требовательным жестом показал милиционеру: «Давай второго». Лейтенант помог гостю, вывернув Михею руку. Щелчок, и второе кольцо наручников сомкнулось. Теперь оба подростка были скованы одними наручниками.

– Спасибо. – Обладатель дорогой кожаной безрукавки пожал милиционеру руку и подтолкнул пацанов к выходу.

Открыв заднюю дверцу машины, Левицкий негромко скомандовал:

– Вперед! Сидеть тихо. – И неожиданно разоткровенничался: – Нам еще по одному адресу заехать нужно.

Он сел за руль и взял направление на Сокольники. Остановив джип напротив районного отделения милиции, позвонил дежурному по сотовому телефону. Минута, и милиционер в звании сержанта вывел на улицу девушку лет пятнадцати. Он и Левицкий перебросились несколькими фразами. Кивнув, Вадим завел двигатель, и джип снова тронулся в путь. В этот раз с тремя пассажирами.

– Тебя как зовут? – спросил Наймушин, подаваясь к переднему сиденью, на котором устроилась девушка.

– Тамира.

– Тамира? Узбечка?

– Турчанка наполовину. Мать русская. Она меня Дикаркой называла.

– Разговоры! – прикрикнул водитель.

Он вел машину на высокой скорости. Еще прибавил газу,

когда джип выехал за Кольцевую дорогу, и взял направление на Подольск.

Наконец он сбросил скорость и с четверть часа ехал по проселочной дороге. Остановился, когда фары выхватили из темноты ворота с красными звездами на створах, и посигналил. Ворота открылись. Джип въехал на территорию воинской части, огороженной колючей проволокой. Остановившись напротив приземистого кирпичного здания, Левицкий сказал подросткам:

– Добро пожаловать в «Инкубатор».

Глава 1
Найденная тень

1

Москва, август 2006 года, два года спустя

«Чем больше шкаф, тем он громче падает». Это высказывание пришло на ум Александру Матвееву на плановом совещании в оперативном управлении ФСБ. Он не понимал, почему его, отставного офицера контрразведки, пригласили на планерку.

Матвеев научился предчувствовать, когда и для кого плановое совещание перейдет в экстренное или непредвиденное. Еще никогда он не слышал столько резких слов в адрес Центра антитеррора. Моложавый и энергичный генерал-майор Бурцев, личный помощник директора Службы, начал спокойно, рассудительно, даже вкрадчиво:

– Меня удивляет не существование «Альфы». – Потом вдруг сорвался на крик: – Меня бесит уровень ее неудач! Ка-

рабах за Карабахом![1] Даже я, видевший все, не видел такого. Мы стали походить на отряды МЧС, которые только и делают, что выкапывают из-под руин трупы и хоронят, выкапывают и хоронят. Ничего похожего на то, что издавна называется профилактикой. Пленку! – по старинке распорядился он и повернулся к огромному экрану плазменного телевизора. Вначале на экране промелькнул интеллигентный директор Федеральной службы безопасности; он сидел в окружении замов и готовился увидеть показательные выступления спецназовцев. Едва здоровый парень за сто килограммов весом пистолетным огнем и эффектными приемами карате условно уничтожил пятерых противников, Бурцев немедленно прокомментировал:

– На этом показательном фоне должны бы проглядывать успехи. За последнюю неделю на Северном Кавказе мы потеряли тринадцать человек. Пятеро погибли во время спецоперации в Ингушетии. Причем, заметьте, противник окопался в доме. Как волк, был обложен ротой армейского спецназа, бойцами территориальной группы «А» под прикрытием роты мотострелков. Я попросил сравнить две вещи: сколько боеприпасов было потрачено на плановых учениях, на которых присутствовал шеф, и сколько расстреляли наши спецы в Ингушетии только в одной операции. Так вот, сравнение не в пользу вышеназванной республики. Хронология событий. Вначале пятеро бандитов заняли третий этаж жилого дома,

---

[1] На языке разведчиков – провал.

затем были вынуждены спуститься этажом ниже. Смешки в зале!.. Я повторяю: этажом ниже. Поскольку вышеназванного этажа больше не существовало – его снесли огнем из пушек и минометов. Затем бандиты, потеряв двух товарищей, в течение пяти часов огрызались ответным огнем с первого этажа. Там их ряды поредели до двух человек, и, больше не имея над головой крыши, они спустились в подвал. Оттуда по рации запросили двухчасовую передышку. Еще двенадцать часов они противостояли полку, включая милицию, контрразведку, спасателей и бойцов прочих силовых ведомств. Меня так и подмывает вслух поразмышлять о системе коммуникаций между домами. Мы бы там камня на камне не оставили. И я хочу спросить: почему мы вдруг перешли на странную тактику: хоронить бандитов всех мастей в подвалах жилых домов? Кто назовет мне имя этого стратега? Десять лет назад эта пятерка бандитов не продержалась бы и часа. Дом остался бы цел. И тому одна причина: спецгруппа не превышала бы десяти человек. Действовала бы скрытно, как и полагается. Примером могут послужить успешные спецоперации за рубежом. Хотя и в этом направлении у нас не все ладно. Мы провалили секретную операцию в Кувейте. Даже тем, кто не в курсе этой операции, я хочу сказать: мы снова потеряли опытных агентов. Полковник Матвеев, вижу, у вас есть возражения.

– Никак нет, товарищ генерал! – слегка опешил отставной контрразведчик. Он не выдал себя ни жестом, ни голосом;

боялся почесаться под грозным взглядом человека, которого Матвеев в свое время назвал прекрасным исполнителем – азартным, виртуозным. И всегда удивлялся, почему Бурцев не закажет себе оригинальную форму: не кургузый мундир, а фрак.

– Что же у вас есть?

– Реплика, – признался Матвеев.

– Не вижу разницы, – хмыкнул генерал. – Так что ты хотел сказать?

Эту привычку – называть подчиненных то на «вы», то на «ты» – знали все присутствующие в зале.

– Чем больше шкаф, тем он громче падает, – заявил Матвеев, тут же отмечая гробовую тишину в зале. Он посчитал, что морально имеет право рискнуть вставить реплику, ибо он уже три года не работал в службе безопасности.

– Большими шкафами ты назвал бойцов группы «Альфа»? Объяснись! – повысил голос генерал.

«Сей-час», – раздельно и с выражением бросил Матвеев. Прислушался к внутреннему голосу: «Бросай дуть на искру».

Он встал, застегнул пуговицу на пиджаке, одернул полы.

– «Альфа» сейчас и «Альфа» образца хотя бы 1991 года – два разных подразделения, – начал Матвеев, вдруг почувствовав, что в нем родился строгий критик, или умер, неважно. – Теперь в каждом регионе функционирует территориальное подразделение, именуемое «Альфой». Чаще все-

го бойцов, имеющих документы прикрытия, называют «тяжелыми фейсами», что не мешает им относиться к Центру антитеррора. То есть любой мало-мальски подготовленный спецназовец в штурмовой униформе – «легендарный ашник», – продолжал Матвеев, все еще чувствуя на себе суровый взгляд генерала. – Предназначение «Альфы»[2] – борьба с терроризмом. «Альфа» была создана после того, как в 1974 году террористами был захвачен и угнан в Турцию пассажирский самолет «Ту-154». Тогда еще погибла бортпроводница Надя Курченко, – вспомнил Матвеев. – Затем был сформирован отдел из двадцати пяти хорошо подготовленных сотрудников, который отрабатывал тактику освобождения заложников, приемы рукопашного боя. И в этом плане, товарищ генерал, вы правы: к чему сотни «ашников», когда двадцать пять профессионалов могут выполнить любую боевую задачу.

– Резонно… Совещание окончено, – неожиданно отрезал Бурцев. – Для всех, кроме полковника Матвеева.

2

Как на привязи, Матвеев проследовал за генералом в его кабинет, выходящий окнами на кирпичную стену соседнего здания. Занял место за столом для совещаний, где прождал

---

[2] Ранее отдел «А» 7-го управления КГБ.

хозяина кабинета не меньше десяти минут. Он не слышал, что происходит в задней комнате. Генерал либо приводил себя в порядок после двухчасового выступления, буквально жарясь под светом двух ламп, либо просто отдыхал на диване.

Он появился со стаканом минеральной воды, сел напротив подчиненного. Казалось, совещание продолжалось.

– Не хочу сказать, что мне понравилась твоя реплика, – напомнил Бурцев о «громко падающих шкафах». – Но подумай над следующим. Что, если придержаться смысла этой фразы?

Матвеев приподнял брови: «И что?»

– Управление готовит серьезную операцию в Италии.

– Я что, был замечен в громкой ссоре среди консультантов по «сапогу»? Я три года выращиваю картошку, морковку на подмосковной даче, подумываю завести гусей, индиуток.

– Кого?

– Индиуток. Смесь индейки с уткой.

– Смесь? Ты что, смеешься надо мной?

– Нет. Ест мало и медленно, а вес набирает быстро.

Предчувствуя неладное, Матвеев поставил перед собой задачу вывести генерала из равновесия. Он видел себя, безвольного, в его руках. Они-то и выталкивают отставника из кабинета; вслед несется: «Пошел вон! И чтоб ноги твоей здесь не было». Но Бурцев на очередную вольность Матвеева даже бровью не повел. То есть, заметил Матвеев, его брови

пришли в движение, словно сигнализировали: «Вот оно».

– Мало ест, а вес набирает быстро, – повторил генерал. – Я как раз интересуюсь такой особью.

– То есть мной?

– Да. Но учти, Александр Михайлович, предложение прозвучит один раз. Подумай, прежде чем отказаться.

– Почему я? – сменил тон Матвеев.

– Тому много причин. – Бурцев повторился: – Мы готовим серьезную операцию в Италии. По самым скромным оценкам экспертов, подготовка займет три-четыре месяца. Нам же предстоит уложиться в две-три недели, максимум – четыре. Нет, ты не единственный, кто способен уложиться в столь сжатые сроки. Мы не рассчитываем на понимание с твоей стороны. Лично я делаю упор на интересную работу. Это первое. Второе. У тебя остались связи на хорватско-итальянской границе. Собственно, эти связи и стали причиной твоей отставки.

– Здорово, – сказал Матвеев, невольно прикидывая разницу в возрасте: он на девять лет был старше начальника. – Значит, я с этой операции поимею спортивный интерес, – и посмотрел на генерала так, словно он был рыночным кидалой.

– Можешь рассчитывать на солидное вознаграждение.

«Вцепился, как жена в космы неверного».

– Какого рода операция? – спросил Матвеев безразличным тоном.

– Нужно понизить в должности одного человека. Отнюдь не мстительный карьерист, готовый на все ради продвижения вверх по служебной лестнице.

Бурцев сам подошел к двери, выключил верхний свет. Пультом включил телевизор. На экране появилось изображение генерала Фокина, который пошел по стопам предателей от военной разведки: Олега Пеньковского, расстрелянного в 1963 году, Дмитрия Полякова, Николая Чернова, Анатолия Филатова, Геннадия Сметанина, Владимира Резуна.

– Николай Фокин, – снова раздался голос генерала Бурцева. – С отличием окончил Ульяновское гвардейское танковое училище, Военную академию Генштаба. Работал в 10-м управлении Генштаба, затем получил назначение в ГРУ. Этому шагу немало способствовал бывший начальник Генштаба, который на протяжении пяти лет был ангелом-хранителем Фокина, заодно его тестем. На дочери главного штабиста Фокин женился, едва ягодка созрела.

– Ей исполнилось сорок пять? – невинным голосом спросил Матвеев.

– Восемнадцать, – внес существенную поправку Бурцев. – Не без консультаций с Фокиным был развален Приволжский военный округ, зародилась неприкрытая вражда между Генштабом и Минобороны, из военного бюджета были выведены огромные средства – около полумиллиарда долларов. Эти деньги осели на счетах подставных фирм за рубежом. В об-

щем, им было что делить.

Следующая фотография. На снимке Фокин изображен в компании начальника Генштаба. Река, мангал, катера у берега, стол, сервированный импортной водкой, отечественной икрой, дымящимися на прохладном воздухе шашлыками. Надпись в правом нижнем углу: «Набережные Челны». И дата.

– За год до отставки начальника Генштаба Фокин готовится к первой зарубежной командировке в Италию в качестве военного атташе и резидента ГРУ, – продолжал Бурцев, выбрав режим показа слайдов через каждые десять секунд. – И точно в день и час отставки своего покровителя явился в итальянскую контрразведку. Там он в первую очередь заговорил о денежном вознаграждении, пособии, поставил условия. Через несколько часов он уже беседовал с заместителем директора ЦРУ, который спешно прилетел самолетом в Рим. Однако предложение отправиться за океан Фокин отклонил.

– Наверное, рассудил, что и за морем житье не худо.

Бурцев прищурился, глядя на Матвеева, но снова спустил ему вольность. Он продолжил:

– Он отклонил и другое предложение: вернуться в российское посольство и стать шпионом. Он понимал, что его отправят на родину первым же самолетом, а по прибытии отвезут к нам на Лубянку. Он раскрыл резидентуру СВР и ГРУ в Италии. На родину отправили сорок российских офицеров, работающих под дипломатической крышей. Рухнула

карьера резидента внешней разведки – он оказался в числе высланных.

– Да, я изучал дело Фокина. Американцы так обрадовались и поспешили, что отклонили вполне рабочую версию: использование Фокина в качестве тайного канала для передачи на Запад информации и дезинформации. – Незаметно для себя Матвеев втягивался в беседу.

– Разумеется, – подтвердил Бурцев. – Вне зависимости от того, что именно сообщил Фокин иностранной разведке, он навечно войдет во всемирную историю тайной войны. Но к черту американцев и итальянцев. Что скажешь о «российской составляющей»?

Ответ напрашивался сам собой.

– Фокин был пешкой в игре между Минобороны и Генштаба, – ответил Матвеев.

– Эта тема долго не сходила со страниц газет и журналов. Устранением недостатков в работе этих двух мощных аппаратов занимался лично глава государства. Он знал о состоянии дел в Вооруженных силах, имея канал получения достоверной информации в нашем ведомстве.

Матвеев об этом знал. Для Федеральной службы безопасности нет запретных тем и фигур в Минобороны. В случае необходимости оперативная разработка может вестись даже в отношении начальника Генерального штаба и министра обороны – при наличии формальных на то оснований. Директор ФСБ пользуется исключительным доверием прези-

дента. Но почему Верховный главнокомандующий позволил развалиться военному округу, дал разгореться вражде между Минобороны и Генштабом?

Этот вопрос Матвеев адресовал шефу.

– Пробел может восполнить сам Фокин, – ответил Бурцев.

– Его надо выкрасть и допросить? – Матвеев продолжал валять дурака.

– Генерал-перебежчик намерен в самое ближайшее время опубликовать часть секретных материалов, компрометирующих военную и политическую верхушку страны. Работа над книгой, где авторские и консультативные права будут принадлежать генералу, займет не больше трех-четырех месяцев. Генерала нужно остановить. Пресечь авторскую работу на корню.

Бурцев прошел по кабинету, заложив руку с пультом за спину. Высокий, сильный, похожий на Джеймса Бонда из последней серии, отметил Матвеев.

– Еще вчера я не был уверен в выборе. Сегодня определился окончательно. У тебя оригинальный взгляд на вещи. Это так же влияет на то, как ты добиваешься успехов. В чем секрет?

– Просто вкалываю. – Матвеев выдержал паузу. – Я уже три года не работаю по Италии и Хорватии. Моя зона ответственности – шесть соток в Подмосковье.

– Это не меняет дела. Я подробно ознакомлю тебя с заданием. Возникнут вопросы – обращайся. Но уже в процес-

се подбора кандидатов на операцию. За основу возьми безупречную легенду, профессионализм агентов. Полагаю, не стоит напоминать тебе, что операция по эвакуации является неотъемлемой частью всей силовой акции.

В голове Матвеева родился вопрос: «Ищете оригинальное решение?» И так же мысленно получил короткий ответ: «Именно».

– Кто возглавит оперативный штаб?

Бурцев покачал головой, давая понять, что он пока не решил этот вопрос.

– А тебе советую не тянуть резину. Тебе нужен надежный партнер. Кого возьмешь в напарники?

– Майора Тартакова из профильного отдела военной контрразведки.

Генерал незаметно улыбнулся: выбор Матвеева был ожидаемым. Майор Тартаков по праву считался лучшим офицером по боевому планированию. Плюс офис профильного отдела располагался в здании на Большой Дмитровке и даже получил неофициальное название Частное бюро расследований.

Полковник дожидался обычного: «Вопросы?», чтобы начать решение головоломки еще в коридорах Лубянки. Пауза затягивалась. Матвеев не мог понять, чего медлит генерал.

– Товарищ генерал, мне взять на вооружение ваше выступление на совещании?

– Мою несдержанность имеешь в виду? – насупил брови

Бурцев. – Если я непроизвольно что-то сказал, никто, и ты в том числе, не должен этого замечать. Никогда не ставь начальство в дурацкое положение. К тому же ты плохо слушал. На твой вопрос я уже дал ответ, и он кроется в твоей реплике. И еще одно: сегодня я не склонен к шуткам. Иди. И не просто иди, а прямиком направляйся в профильный отдел. Ты будешь заниматься подбором кандидатов в группу разведки и обеспечения – наиболее трудоемкая и тонкая работа. Майор Тартаков возьмет на себя основную группу – работа чуть полегче. Обе группы должны быть взаимозаменяемы. Название операции – «Безусловная реализация». Вопросы?

– Только один. Название операции придумал Буш?

Уступая ностальгии, Матвеев заглянул в кабинет, порог которого он не переступал три года, и мельком огляделся. Почти голые стены – в смысле, нет ни одной карты мира, Российской Федерации или Узбекистана, откуда был родом новый хозяин. Зато стол завален. Пара сотовых телефонов, несколько пачек прилипашек разного цвета и полный стаканчик авторучек, карандашей и фломастеров, диктофон…

– Вам кого?

Поскольку Матвеев на вопрос не ответил, хозяин кабинета насупил брови:

– Кого вы ищете?

– Свою тень, может быть, – ответил Александр Михайлович.

Глава 2
Проспект независимости

1

Через полчаса служебная «Волга» остановилась напротив двухэтажного здания, построенного в 1939 году. После коротких процедур на контрольно-пропускном пункте отдела военной контрразведки ФСБ, расположенном в середине просторного холла, где дежурный отметил Матвеева в постовой ведомости, полковник поднялся на второй этаж. Открыл массивную дверь и уже с порога предложил:

– Слышал, твой секретарь в отпуске. Мне разрешили занять его место. Привет, Женя.

Майор Тартаков рассмеялся:

– Кофе, свежую прессу, Александр Михайлович. И побыстрее.

Матвееву при встрече с майором всегда хотелось по-доброму съязвить: «Вот что-то у тебя не пошло по службе». Тартакову тридцать девять, считай, лет десять носит одинокую майорскую звезду, и звезда, похоже, не собирается раздвоиться или превратиться в генеральскую звезду. Тем не менее ему не было равных в плане боевого планирования. Но не

только Матвеев, все в управлении знали причину, которая не позволяла майору подняться по карьерной лестнице. Он любил праздновать успехи и нередко уходил в запои. Лишь признание заслуг в качестве классного планировщика служило ему спасательным кругом.

– Занимай мою половину, – предложил Тартаков.

– А ты?

– Устроюсь в приемной. Начальник профильного отдела в курсе, так что нам не станут докучать вопросами. Нам разрешили беспрепятственно пользоваться запасным выходом.

– Это относится и к нашим клиентам?

– Разумеется.

– Как в адвокатской конторе, – сравнил Матвеев. – Или в публичном доме. Жена в одну дверь, сохатый в другую.

Матвеев прошел в кабинет, снял пиджак и повесил его на спинку стула. Краем глаза он наблюдал за хозяином и мысленно прикидывал, на какой срок он остановился здесь. Едва не взмолился, вот только сейчас, прикинув объем работы. Ему предстояло сжать реальные сроки операции, определенные экспертами в три-четыре месяца, в разы. Хорошо бы уложиться в четыре… недели. С другой стороны, «долбальники» – затянувшиеся дела – полковник не любил.

Он вышел в приемную и застал майора возле карты мира, занявшей полстены. Отметив на ней Венецию, Тартаков острым ногтем прочертил маршрут до Хорватии и едва не разрезал карту.

– Удобный коридор для эвакуации. Из Хорватии в Венецию налажено постоянное сообщение. На крайний случай агенты могут воспользоваться скоростными катерами.

– Почему именно Хорватия?

Майор рассмеялся:

– Потому что это снова твоя зона ответственности.

– Что еще? – недовольно нахмурился Матвеев.

– Сотни островов адриатической Хорватии. Есть где надежно затеряться.

Матвеев невольно включился в работу, которую на данный момент посчитал преждевременной: раздеться не успели. И указал на другой итальянский город:

– Триест. Его от хорватской границы не километры, а метры отделяют.

– Тоже вариант, – отозвался Тартаков. – Только в Триесте погранконтроль сумасшедший.

Майор выдержал паузу.

– Что тебе сказал шеф?

– Наверное, то же, что и тебе. Один телефонный звонок, и ты уже знаешь больше меня. Планируешь отход через Хорватию в то время, когда я планирую отход домой.

Майор то ли стушевался, то ли сделал вид, что смутился.

– Меня посвятили в детали операции неделю назад, – пояснил он. – Твоя кандидатура также прошла семь дней назад.

– Почему шеф тянул резину?

– Не в курсе. Точно знаю, что других назначений не было.

– Ты говоришь как о генеральской звезде. – Матвееву не суждено было удержаться от язвительности. – Выходит, мой партнер оброс, как дикобраз, деталями, а я узнал о своем назначении на должность руководителя спецоперации спустя неделю. Нехило. Пришел на все готовое. Женился на матери-героине – все, что нужно было сделать, кто-то сделал за меня и явно перестарался. Рассказывай, – потребовал он ответа.

– Шеф приказал подобрать агентурную группу.

– Знаю. Вы уже нарыли кандидатов?

– Пара-тройка групп на примете. Нам даны полномочия подбирать кандидатов из силовых структур МВД, юстиции, прокуратуры, ГРУ.

– Выброси их из головы. Я лично займусь этим вопросом.

– Как скажешь. А вообще, работа интересная, правда?

– Правда. – Матвеев поиграл бровями. – Если с напарником повезет.

Он ушел к себе в кабинет, спиной чувствуя насмешливый взгляд майора. Хотя нет, наверное, сочувствующий взгляд. А есть разница? В данной ситуации никакой.

Дотянуть до конца рабочего дня ему помогла пресса – Тартаков подкинул пару номеров «Проспекта независимости» недельной давности. Относительно свежий номер Матвеев прихватил с собой.

2

Он приехал домой в восьмом часу вечера. Неважное настроение едва не подвигло его отказаться от ужина, объявив голодовку – генералу, женщине, с которой он состоял в гражданском браке, и ее дочери – с бородатым обоснованием: «Я есть хочу, но есть не стану. Свободу Луису Корвалану!»

Вспомнив о «Проспекте независимости», читать начал с рубрики «Знаменательные даты августа».

> *«23 августа 1998 года в Нахимовском военно-морском училище прошли торжества по случаю приема новой группы учащихся. Напомним, что в ноябре прошлого года в Министерстве обороны РФ было принято решение взять шефство над беспризорными детьми и подростками. Начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ генерал-лейтенант Виталий Кунаков рассказал журналистам о том, что идея шефства над сиротами принадлежит министру обороны России Маршалу Российской Федерации Игорю Сергееву. Она была поддержана на Коллегии Министерства обороны РФ, состоявшейся 15 ноября. При Министерстве обороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управление воспитательной*

работы Вооруженных сил РФ».[3]

Матвеев еще не понял, почему его так взволновала рядовая, в общем-то, статья, датированная августом 1998 года. Что-то еще знаменательное крылось в «знаменательной дате августа».

И он мысленно перенесся в далекий 1998 год. У него была отличная память, но он все же решил освежить ее с помощью личной базы данных, хранящейся в компьютере. Все данные были открытыми, содержание статей и документов можно было без труда найти в электронных средствах массовой информации, в газетных подшивках солидной библиотеки.

Он нашел документ, который стал продолжением недавно прочитанной статьи.

> *«При Минобороны создана рабочая группа, руководство которой возложено на Главное управление воспитательной работы ВС. Начальник главка заявил, что рассматривает решение как составную часть военной реформы. Для разработки программы в рамках Координационного совета при президенте РФ планировалось подключить представителей других структур силовых ведомств – Главного разведывательного управления в частности».*

Матвеев оставил компьютер и вышел на лестничную площадку. Прикурив, стал смотреть на герань в горшке, точнее,

---

[3] По материалам «Независимого военного обозрения».

стал смотреть через мелкие цветы на вечернюю улицу. Теперь ему не требовалось никаких документов. Он вспомнил название секретного проекта военной разведки – *«Организованный резерв»*.

В 1998 году стаж Александра Матвеева в Управлении военной контрразведки насчитывал семь лет. Это мощное подразделение имело собственный оперативный и агентурный аппарат во всех без исключения структурах Вооруженных сил – от отдельного батальона и полка до Генерального штаба включительно. Он был одним из немногих офицеров военной контрразведки, кто знал о проекте «Организованный резерв».

Подростковый возраст самый удобный, подумал он, прикурив очередную сигарету и поздоровавшись с соседом-пенсионером. Характер человека в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет легко поддается лепке. Из подростка можно сформировать кого угодно. Ему легко прививаются патриотизм, ответственность и так далее. Он не мог вспомнить имя офицера, который курировал курс. Тот был в звании полковника, являлся директором школы-интерната, получившей название «Инкубатор». Матвеев лишь помнил фрагменты отчета, и вот сейчас, стоя на лестничной площадке, обутый в домашние тапочки, он мысленно анализировал их.

Не прибегая к новейшим (и неоднократно использованным) технологиям вроде «универсальный солдат», «слоны» в «Инкубаторе» воспитывали именно универсальных солдат.

За два года была создана первая группа молодых людей в возрасте восемнадцати лет. Парни прошли более длительные курсы по системам базирования в тылу противника в районах средней полосы, а также в горных районах. Они освоили такие дисциплины, как преодоление и уничтожение инженерных препятствий, маскировка и наблюдение, выживание в экстремальных условиях. А также тактико-специальную подготовку разведчиков: подготовка к операции и заброска в тыл врага, переход в заданный район, диверсионная работа и отрыв от преследования, захват пленных и документов.

Глава 3
Начальник курса

1

Утром Матвеев первым делом сделал запрос, ссылаясь на генерала Бурцева, и вскоре получил ответ:

> *«Проект «Организованный резерв» Минобороны был закрыт с формулировкой «неперспективный» 25 июня 2006 года. Площади возвращены Главному разведывательному управлению. Начальник курса полковник Щеголев И.А. переведен приказом министра обороны в Главное управление воспитательной работы».*

Матвеев вышел в приемную и обратился к майору Тартакову так, будто того действительно назначили его секретарем или адъютантом.

– Разыщи мне полковника Щеголева. До июня нынешнего года он состоял на должности директора «Инкубатора». Помнишь проект «Организованный резерв»?

– Да, конечно, – ответил Тартаков. – Возможно, мне придется съездить в Министерство обороны.

– В добрый путь, – с серьезной миной напутствовал майо-

ра полковник. – По дороге купи чего-нибудь пожевать. Деньги есть?

Тартаков многозначительно похлопал себя по карману, что означало: «Деньги имеются».

Не прошло и часа, как в кабинет Матвеева вошел тучный человек с властным лицом. В отсутствие майора Матвеев поднял досье на Щеголева. Директор не пользовался уважением ни у сослуживцев, ни у курсантов, в самом начале курса – в 1998 году – получил кличку Д'Эректор.

– Присаживайтесь, Игорь Андреевич. – Матвеев указал на кресло и сам перебрался ближе к гостю, устроившись напротив. – Сок, горячие сэндвичи?

– Нет, спасибо.

– Тогда и я откажусь. Вы правы, время дорого для нас обоих, так что не будем тратить его попусту. Обязан напомнить вам, где вы находитесь.

– Не стоит. Я нахожусь в отделе военной контрразведки.

– И здесь вы связаны с внутренними условиями нашего аппарата, не зависящими от вашей воли и возможностей вашего непосредственного руководства. Надеюсь, вы понимаете это.

– Да, я понимаю, о чем вы говорите.

– Отлично. Призываю вас к откровенному разговору. Итак, вас из Генштаба перевели в Минобороны. Формально. Поскольку ваша работа на ГРУ не прекращалась последние восемь лет. Вы проработали начальником курса именно во-

семь лет.

– Девять, – поправил собеседника Щеголев. – Я стоял у истоков проекта. Год ушел на организационные и прочие работы.

– Бог с ними, с истоками, вернемся в лето нынешнего года. У меня несколько вопросов. Первый: проект закрыли вдруг или же дали выпускникам последнего курса окончить учебное заведение?

– На грани. – полковник Щеголев покивал. – Буквально на грани. Курсанты последнего выпуска закрыли все дисциплины. Фактически оставался месяц, но эти тридцать дней уже не играли никакой роли.

– Пожалуйста, припомните и назовите лучших курсантов последнего курса.

– Они равны в любой дисциплине. Я назову тех, кого выделял лично.

– Не спешите, – предостерег коллегу Матвеев. – От вашего выбора зависит судьба другого проекта, связанного с государственной безопасностью. Я не могу дать вам более четких объяснений. Я рассматриваю всевозможные кандидатуры для конкретной работы за рубежом. Мне нужны выдержанные люди. Без отклонений – это раз. Неуступчивых – два. Не превышающих определенных размеров – три. Но прежде освежите мою память.

– Что вас интересует?

– Основы подготовки курсантов, будущих военных раз-

ведчиков, агентов, офицеров.

Щеголев сменил позу, закинув ногу на ногу и сцепив руки на колене.

– Как и многие, вы путаете роль армейского спецназа, выполняющего военные задачи, и роль спецподразделения. Что такое войсковая операция? – спросил он и сам же ответил: – Это численное превосходство, огневой удар, молниеносные тактические действия, маневр.

– То есть или раздавил противника, или не раздавил.

– Это вы так думаете. Проект отличался от стандартной программы подготовки военного разведчика. Тактика подразделения курсантов изначально предполагала разместиться на четырех «китах». Первый – конспирация. Выдвинуться к месту ведения операции и незаметно занять позицию. Второй – внезапность. Третий – использование специальных средств и оружия. И четвертый – время. Спецподразделение во время штурма должно работать быстро. И чтобы успеть, каждый боец должен знать свой маневр.

Всем своим видом порядком разгоряченный полковник Щеголев говорил: «Я еще не закончил».

Матвеев покивал: «Дальше. Слушаю вас».

– Программа «Организованный резерв» была основана на частых походах и выживаниях, физической подготовке и рукопашном бою, стрелковой подготовке. И все это на фоне психофизической подготовки – буквально на каждом привале, при каждом удобном случае. Упор делался на *ужив-*

чивость и управляемость курсантов, – акцентировал Щеголев. – Причем энергии они потребляли больше, чем получали. Мы учили их задействовать внутренние, скрытые энергетические резервы.

– Изобретали вечный двигатель? – не удержался от шпильки Матвеев.

– С вечным двигателем всегда одна проблема.

– Он не вечен. Я знаю. Продолжайте, пожалуйста.

– К концу обучения исключались предательство, невыполнение приказа и так далее. Подростковый период курсантов прошел в казарме. Это своего рода операция, цель которой купировать пациенту определенную часть органа. Ни один из них не пропустил ни одного учебного часа. Дури, как у многочисленных их сверстников, в них нет. Хотя мы до сих пор не знаем, что у них внутри – холод, грусть? Мы не можем заглянуть им в душу. А если говорить открыто, то никогда не стремились к этому.

– Почему, интересно?

– Потому что они полностью зависели от нас, учителей. В «Инкубаторе» не было никого, кто пожалел бы их. Включая самих курсантов. Знаете, как мы их называли?

Матвеев покачал головой:

– Нет. Скажите.

– «Рожденные шлюхами». Я ответил на ваш вопрос?

– Хорошо. – Матвеев приготовился записывать. – Итак, назовите имена курсантов, которых вы выделили лично.

– Михаил Наймушин, Виктор Скобликов, Тамира Эгипти. – Щеголев ответил на немой вопрос полковника: – Обучение прошли также несколько девушек.

– С женским полом схожая проблема? Вы не знаете, грусть или холод у них внутри?

– Если бы у них был холод внутри, у них месячные шли бы кубиками.

– Хороший английский юмор, – усмехнулся Матвеев. – Назовите еще несколько имен.

– Александр Кунявский и его тезка Прохоров. Пожалуй, Николай Хрустов. Из девушек Татьяна Смирнова.

– Возраст каждого, как я понял…

– Восемнадцать. Однако по развитию их можно приравнять к молодым людям двадцати трех лет.

Матвеев на минуту призадумался. Он готовился задать Щеголеву еще пару вопросов. Еще раз обратился к списку претендентов в *основную диверсионную группу*. Каждый из спецназовцев имел офицерскую должность, к данному моменту не работал в правоохранительных органах.

– Вы можете назвать мне пару толковых офицеров – преподавателей, инструкторов из «Инкубатора», кто, может быть, был мягче, ближе к курсантам? Я не говорю о жалости – в этом вопросе вы правы. Но сочувствующие люди, как это хорошо известно, найдутся всегда.

– Да, я припоминаю такого человека. Капитана Вадима Левицкого. Он работал в оперативном управлении ГРУ,

имел прямое отношение к спеццентру «Луганск». После успешной операции в 2004 году он получил капитанские погоны, полуторамесячный отпуск и запись в личное дело: «стал проявлять излишнюю нервозность». Не знаю, бывает ли нервозность излишней. Либо ты псих, либо нет.

– Капитан Левицкий псих?

– Нет, конечно. Он закосил от тяжелой службы в спеццентре ГРУ. Порой подобные ультиматумы понуждают начальство повысить жалованье подчиненному, найти работу получше. С Левицким поступили с точностью до наоборот. Его понизили в звании, задействовали в проекте «Организованный резерв». Ему досталась одна из самых грязных и неблагодарных работ. Он объезжал приюты, отделения милиции, выискивая среди бродяг будущих курсантов.

– Левицкий имеет отношение к курсантам, которых вы перечислили? Хотя бы к первой тройке.

– Хорошо помню, что Наймушина, Скобликова, Эгипти в «Инкубатор» привез именно Левицкий. Во время карантина он тестировал курсантов на совместимость. Он же после карантина получил должность старшего инструктора.

– Вы рекомендовали его на эту должность?

– Да. И звание капитана вернул ему я.

– Чем вы руководствовались?

– Я знаю, что такое спеццентр «Луганск», какие профи там работают. Потом, я видел работу Левицкого.

– Что стало с Левицким после закрытия проекта?

– Он остался без работы.

Матвеев встал, поправил пиджак и за руку попрощался со Щеголевым.

– Возможно, у меня возникнут вопросы.

– Обращайтесь, – сказал полковник.

Матвеев остановил его очередным вопросом:

– Не из праздного любопытства спрашиваю. Курс окончен, два года пролетели, как один месяц. Есть такое выражение: пожелания отправляющемуся в путь. Вы ведь давали выпускникам пожелания на будущее.

– Давал, – кивнул Щеголев. – Четырежды. Вас интересует мое обращение к последнему курсу?

– Да.

Полковник пожевал губами, словно вспоминал цитату. Глаза у него при этом оставались спокойными, даже холодными, не бегали, бровей он не хмурил, чем и выдал себя. Матвеев предположил, что он помнил свое обращение наизусть. Даже представил шеренгу курсантов, для которых год в «Инкубаторе» шел за три.

– Однажды за вами придут, – начал Щеголев. – Это может случиться скоро. Может быть, ваше ожидание затянется на месяцы и годы. Проект закрыт. Готовьтесь к тому, что вас могут нанять политические конкуренты создателей проекта. Рамки координационного совета, курировавшего проект, разошлись по политическим векторам, и мы не смогли соблюсти секретность. Несмотря на это, вы должны беспре-

кословно выполнять приказы ваших работодателей.

Едва за Щеголевым закрылась дверь, Матвеев передал бумагу с записями майору Тартакову:

– Мне нужны досье на этих людей.

– Кто они?

– Курсанты и старший инструктор «Инкубатора». Не спеши, Женя. Я забыл прояснить один туманный момент. Не хочется бежать за Щеголевым. Может быть, ты прояснишь ситуацию.

– Спрашивай. – Тартаков чуть отъехал от стола и откинулся на спинку кресла на роликах.

– «Инкубатор» как учебное заведение функционировал восемь лет, а «выпускных балов» насчитывается всего четыре. Где еще четыре?

– Все просто, – отозвался Тартаков. – Первый набор курсантов произошел в 1998 году с прицелом на двухгодичное обучение. Причем в 1999 году набора в «Резерв» не было. Эксперимент необходимо было поставить до конца, посмотреть, что получится. С другой стороны, «Инкубатор» один, и пересечения первокурсников с второкурсниками были нежелательны. «Инкубатор» был учебным подразделением в чистом виде. Этот принцип сохранился или прижился, как хочешь.

Матвеев ушел на свою половину и, нахмурившись, сосредоточился. Тартаков отвечал уверенно, словно сам, как полковник Щеголев, стоял у истоков «Организованного резер-

ва». Вскрылись детали, к которым Матвеев не проявлял интереса. Плюс рубрика «Знаменательные даты». Он пришел к выводу: если бы он пренебрег прессой, оставил газетную заметку без внимания, то майор напомнил бы о секретном проекте Минобороны другим способом.

Он слишком много знает? Вопрос так не стоял. Генерал ФСБ использовал майора как информатора и генератора идеи – в единственном числе. Пока что Тартаков сгенерировал только одну идею. Что это означало? Матвеев выдвинул несколько версий. По одной из них выходило, что его подопечные и он, как руководитель операции, – прикрытие для другой группы, задействованной в этой операции. Гораздо хуже выглядела другая версия, по которой его группа прикрывала другую операцию, не связанную с генералом-предателем.

Глава 4
«Рожденные шлюхами»

1

Пожалуй, еще ни разу в жизни Матвеев не поджидал агентов с таким нетерпением. Впрочем, он быстро разобрался в своих чувствах и заменил нетерпение интересом, отметая пустое любопытство.

Он успел ознакомиться с досье на каждого из семи кандидатов, однако вызвал к этому часу только троих – Михаила Наймушина, Виктора Скобликова, Тамиру Эгипти, невольно придерживаясь порядка как числовой характеристики, озвученной начальником курса Щеголевым. Наверное, в этом порядке крылся некий ключ. Матвеев бросил ломать голову над этим вопросом, когда в проеме двери показался майор Тартаков и постучал по наличнику:

– Разрешите, Александр Михайлович?

Матвеев кивнул. Откинувшись на спинку кресла, он посмотрел в дверной пролет с чувством зрителя, случайно попавшего на генеральную репетицию. Он не преувеличивал свои чувства. Он готовился к разговору с восемнадцатилетними парнями и боялся заключительных слов как неутеши-

тельного диагноза: готовьтесь к операции. Тут же воображение нарисовало удивительную картину. Все трое лежат на операционных столах, над каждым наклонился хирург со скальпелем, медсестра с капельницей и анестезиолог с маской. Вдруг все трое поднимаются, сбрасывают стерильные покрывала и, обнажив «стволы», устраняют бригаду медиков.

Матвеев выругался про себя, увидев симпатичную девушку лет семнадцати. Ее будто только что выдернули с дискотеки: кольца в носу и в нижней губе, по три штифта в каждой брови, по четыре серьги в каждом ухе. На парней, а точнее, на ее дружков, можно было не смотреть, все и так ясно, они словно ее отражение. И Матвеев действительно едва не махнул рукой, подражая Алану Чумаку: «Сеанс окончен. Отбрасывайте костыли и идите».

Он еще дважды выругался, ощутив себя директором ПТУ. Что натворили эти каблушники? За какие грехи он вызвал их в одно из подразделений военной контрразведки? Свихнуться можно…

– Тамира? – Матвеев встал из кресла и пожал руку девушки.

«Вот сейчас она ответит: «Ты можешь называть меня как угодно, милый», – подумал он, – и я вытурю эту троицу».

– Да, – ответила она.

– Меня зовут Александр Михайлович. Проходи, выбирай место. – Жест рукой в сторону офисных стульев, расставлен-

ных в ряд.

Дальше полковник назвал по именам еще двух человек – Скобликова и Наймушина и изобразил схожий жест. Под откровенно насмешливым взглядом майора Тартакова занял свое место за рабочим столом. Придумал обращение: ребята. На его взгляд, обращение, подходящее к разнополой компании молодых людей. Разнополой, здорово подумано. Матвеев едва сдержал рвущийся наружу смешок.

Он верил и не верил своим глазам. Бумаги на его столе говорили о том, что каждый из его гостей прошел диверсионный курс по полной программе, владел приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием.

Матвеев взял себя в руки. Немного пожалев о потерянном времени, он приступил к делу.

– Вот что, ребятки, пригласил я вас для беседы на тему вашего трудоустройства. На то у меня есть соответствующие полномочия, поскольку я представляю военную контрразведку. Тот, кто называет нас надзирательным органом за военнослужащими, глубоко ошибается. Сотрудничество – вот точное определение нашей работы.

Матвеев выдержал короткую паузу, успев помянуть бога всуе: «Господи, перед кем я распинаюсь».

– Насколько мне известно, вы нигде не работаете. – А дальше сделал шаг к развитию разговора в профессиональном ключе. – Пока я на распутье – возможно, предложу работу за границей. В Италии, к примеру. Как вы относитесь

к этой стране?

Наймушин пожал плечами.

– Кстати, у тебя есть водительское удостоверение?

– Да. Нам выдали права и паспорта по окончании курса.

Разговор еще не вошел в нужное русло, так что Матвееву на первых порах было все равно, какого содержания и качества будут его вопросы. Они могли быть отстранены от конкретной темы или, наоборот, целенаправлены. Время все расставит по местам.

– Кто из правоохранительных органов в Италии может остановить тебя за превышение скорости, неправильную парковку? – спросил он у Михея.

– В первую очередь – дорожная полиция.

– Что ты знаешь о правоохранительных органах Италии?

– Они подразделяются на полицию и карабинеров, – ответил Михей, ничуть не тушуясь. Ответил легко, мгновенно освоившись в компании полковника военной контрразведки. – Полиция находится в подчинении у Министерства внутренних дел. Корпус карабинеров – самое мощное полицейское подразделение в Италии, входит в состав Министерства обороны. Полиция отвечает за уличные ненасильственные преступления и мелкие ограбления. Полицейский участок называется «комиссариато». Управление «квестура».

– Отлично, – похвалил Матвеев. – Витя, продолжи.

– Карабинеры отвечают за раскрытие умышленных преступлений и вооруженных нападений, – принял эстафету

Скобликов, – но могут остановить и за превышение скорости. Участок карабинеров называется «казерма».

– Тамира?

– Есть еще и финансовая полиция, – ответила девушка, слегка тряхнув головой и рассыпая по плечам «негритянские» дредлоксы. – Экологическая или лесная полиция «Корпо форестале» отвечает за охрану лесных массивов и их обитателей, за состояние окружающей среды.

– А также разведка, контрразведка, – покивал Матвеев, избегая смотреть на украшенную штифтами и серьгами девушку. – Униформы на них вы не увидите. Вы сможете так же уверенно рассказать о спецслужбах Португалии, Дании?

– Если спросите, – ответила Тамира.

Матвеев с нарастающим интересом, как азартный игрок, снова взялся за изучение досье на агентов, на сей раз имея их перед собой. Он остановился на аттестатах с длиннющим перечнем дисциплин. Реально выставленные оценки вместо неопределенных «зачет», «незачет».

Виктор Скобликов – Скоблик – тянул на золотую медаль: «отлично» по всем предметам: психофизическая подготовка, общефизическая, спецкурс рукопашного боя, стрелковая подготовка; обнаружение и обезвреживание мин, изготовление взрывных устройств из подручных материалов…

Михаил Наймушин – Михей: специальное стрелковое оружие, снайперское оружие; организация и маскировка в населенном пункте, топография и ориентирование; вожде-

ние транспортных средств…

Тамира Эгипти – Дикарка: средства оптического наблюдения – «отлично», разведка фотографированием – «отлично», телевизионная и тепловизионная разведка – такая же высокая оценка.

Матвеев нашел брешь в аттестате Тамиры. Еще раз пробежав список дисциплин, он вслух отметил:

– Ты не владеешь боевыми искусствами.

– Я не перевариваю никаких искусств вообще, – с подростковым вызовом ответила Дикарка. – В том числе – боевых. В армейском организме они попросту не нужны. Нас так учили.

«Она права, – подумал Матвеев. – Хотя это не ее слова».

Он взял долгую паузу. Глядя на потенциальных диверсантов, не имеющих, правда, опыта, он припомнил многочисленные случаи ветеранов нескончаемых войн на Кавказе. Не найдя себя в гражданском обществе, одни спились, другие угробили себя наркотиками, кто-то свел счеты с жизнью. Другая категория стала на тропу беспредела: убийства, грабежи, изнасилования, находя криминальное применение уникальным навыкам.

Матвеев едва не заторопился задействовать хотя бы эту троицу – хоть где, но занять их чем-то полезным, бесполезным. Но кроме этого выпуска, были еще три. То есть больше сотни потенциальных преступников, «рожденных шлюхами». Вот так, подумал он: от диверсанта до преступника

один шаг.

– Тамира, – обратился к девушке Матвеев, – похозяйничай в приемной. Свари кофе.

– Вам по-турецки? – Она изящно повела восточными черными бровями.

– Было бы неплохо. Кофеварку, кофейные чашки найдешь на стеллаже.

Полковник тактично дождался Тамиру: за то время, что специалист по тепловизионной разведке провела в приемной, он не обмолвился с парнями ни словом. Вряд ли наблюдал за ними. Он спорил с самим собой. Видел перед собой уникальную спецгруппу, но с решениями не спешил. Не раз ставил на их место тех, кто «громко падает». Сравнения были не в пользу последних. Уже не в их пользу. Эта троица сумеет затеряться среди сверстников в той же Италии, Португалии, Дании, не говоря о России. Они просочатся через самое мелкое сито.

Собственно, в погоне именно за таким эффектом и был разработан секретный проект «Организованный резерв». Матвеев не знал, привлекались ли к работе выпускники других курсов. Треть из них (сорок шесть человек, если говорить точно) поступила в военные училища, где ребята, наверное, до сих пор удивляют преподавателей уникальной подготовкой.

«Гордость, где ты?» – спрашивал себя полковник. Ему самому представился уникальный случай – провести опера-

цию силами «универсальных солдат». Но гордость стыдливо пряталась за ответственностью. Провал грозил обернуться самыми плачевными последствиями. Матвеев словно заглянул в глаза импозантному генералу и прочел в них: «Если с кого-то и снимут голову, то не с меня». Верхушка любого управления слыла мастерами уходить от ответственности, зная эту обязательную дисциплину назубок.

Многое припомнилось Матвееву за эти короткие минуты. Он увидел себя на месте Юрия Никулина в фильме «Ко мне, Мухтар!». То есть ведет троицу к себе домой, показывает им место, объясняется с домашними, создавая «образ простодушного, наивного, чудаковатого, но чрезвычайно доброго героя». Глупейшая ситуация, тупая фантазия, едва ли не полная растерянность.

Майор Тартаков не принимал участия в беседе. Восседая за столом секретарши, как на троне, он освежал свои знания в стенографии и краем глаза посматривал на диктофон, записывающий даже шорох от соприкосновения ручки с бумагой. Он был одет в голубую рубашку с галстуком, пиджак висел на спинке кресла. Майор с короткой стрижкой и вечно нахмуренным лбом казался человеком неопределенного возраста. Ему можно было дать и тридцать пять лет, и сорок пять. Чего нельзя было сказать о гостях профильного отдела. В отличие от полковника Матвеева, Тартаков находился в компании бывших курсантов больше часа. Они жили в общежитии трамвайно-троллейбусного управления. За время

пути ни один из них не задал майору ни одного вопроса. В памяти навсегда отложился голос начальника курса:

– *Однажды за вами придут…*

Глава 5
Дублеры

1

Матвееву пришлось заняться тем, что называется освежить память. В данном случае свою и своих подопечных. К этому времени он дал понять команде, задача какого рода ставится перед ними. На них возложено обеспечение основной группы оружием, разведданными, которые лягут в основу заключительной фазы операции; на них лежит обеспечение эвакуационного коридора. Они – важнейшее звено в операции по ликвидации человека. И никакой реакции на своеобразный голосовой раздражитель. Разве что едва заметное пожатие плеч Михаила Наймушина. Что неожиданно взбесило полковника, и он едва не разразился обвинительной речью. Впрочем, он быстро успокоился. Он задавал вопросы о родственниках, об отношениях курсантов и преподавателей в «Инкубаторе», намеренно сбивая ребят с толку, вот как сейчас:

– Какого ты мнения об итальянской разведке?

– В общих словах? – спросил Наймушин.

– Пусть будет в общих.

– И трехмесячной давности.

Ровно столько времени им не давали информации на обязательных политзанятиях, в частности, касающейся итальянской разведки.

– Качества разведывательно-информационной работы не на высоком уровне.

«Наше управление пережило в свое время схожие времена, – мысленно согласился с парнем Матвеев. – Чрезмерный поток поступающей от разведки информации, которая не представляет интереса для руководства».

Михей словно подслушал его мысли и продолжил:

– Около ста процентов информации берется из открытых источников.

– И что это означает?

– Это означает, что разведка страдает от отсутствия эффективного механизма оценки поступающей информации, не оправдывает те средства, которые государство расходует на ее содержание. Годовой бюджет итальянской разведки составляет около пятисот миллионов евро. Разведчикам приходится отрабатывать эти деньги. Не скажу, что они стали злые, но рвения прибавилось.

Полковник довольно улыбнулся и предложил:

– Кофе?

– Господи… – чуть слышно пробурчала Тамира и встала с места.

– Ты куда? – осведомился Матвеев.

– Варить. Кофе. По-турецки.

– Вообще-то я…

– Вообще-то у вас рубашка несвежая. Второй день носите. Где у вас стиральная машинка?

Как ни странно, Матвеев не нашел ответа на вопрос, когда начала осваиваться команда в компании начальника, сейчас или во время первой встречи. Во всяком случае, скованности он не видел ни тогда, ни сейчас.

Тамира не дерзила. Возможно, прошла по черте, не зашагивая за нее. Может быть, давала знать о своем характере дикарки, а значит – особенностях общения с ней.

Матвеев не упускал случая поразмышлять над поведением кандидатов, цепляясь за слово, реплику. Он привык к такой работе и порой не отдавал себе отчета, что называется эта работа взаимной связью. И в этом контексте не смог бы понять, что служит причиной, а что следствием, что одно порождается другим. Запомнил слова начальника курса Щеголева:

«Учителями их были те, от кого они зависели, но не те, кто их жалел».

Точнее, желающих пожалеть курсантов попросту не было. Полковник не собирался придерживаться этой тактики – учебные времена остались в прошлом. Настала пора работы – трудной, кропотливой, рискованной, как у минера на минном поле. Что же, если он увидит, что нужно пожалеть ту же Тамиру, он сделает это. И ей даст понять, что самое трудное

осталось позади, а впереди поджидает опасность, и с этим придется считаться.

Неожиданно вспомнил свою одноклассницу Анну Портнову. Девятый класс. Парни считают себя взрослыми, девушки видят в них мальчиков из хора. На одном из уроков современной истории Саня Матвеев понял, насколько обогнала его в развитии Анка. Она взяла самый трудный вопрос о роли XXII съезда КПСС и отвечала так, будто была спичрайтером и написала выступление для генсека. Ей было шестнадцать. Он увидел в ней двадцатилетнюю девушку и долгое время не мог избавиться от этого неуютного чувства.

Нечто подобное испытал и сейчас. Нет, прав оказался Щеголев, приравняв их возраст к двадцати трем годам. Купировали подростковый возраст.

Матвеев отметил время на часах: половина второго. Мысленно оживил сценку: хлопнул в ладоши и бодрым голосом заявил: «Дети, пора обедать». Но только мысленно.

Он отпустил их, порекомендовав не очень дорогое кафе на Большой Дмитровке. Отсчитал четыреста пятьдесят рублей, деньги вручил Наймушину:

– По сто пятьдесят рублей на брата. И сестру.

Матвеев поджидал еще одного человека. За ним поехал на своем вместительном джипе марки «Форд» майор Тартаков. Полковник подошел к окну и выглянул на улицу. Промедлил бы секунду – и не увидел красного «Форда», въезжающего во двор отдела. Матвеев вышел в коридор, свернул на пло-

щадку, откуда смог наблюдать, как из машины вышли двое – Тартаков и мужчина лет сорока пяти, одетый в гражданскую одежду, и начали выгружать из багажника коробки. Вот Тартаков дал знак дежурному, и тот помог внести груз внутрь.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем коробки внесли в приемную. Только после этого Матвеев приветствовал нового гостя, назвав его по имени.

– Привет, – отозвался Вячеслав Хазин, пожимая руку полковнику. – Никак не ожидал от тебя такого странного поступка.

– Что ты имеешь в виду под странным поступком?

– Ты снова на службе у Службы. А мне говорили, ты выращиваешь гладиолусы на даче.

С недавних пор к Хазину приклеилась кличка Гаджет. Собственно, изобретение – это его работа. И если бы он не работал на контору, то смог бы получить не одну сотню патентных свидетельств.

– Помогите мне освободить стол. Этот подойдет. – Он указал на стол, чем временно лишил майора Тартакова права на свое место.

Да, милиционеры удивились бы, если бы остановили машину для досмотра, резонно предположил Матвеев. Каждая коробка, в том числе и из-под обуви, была подписана. «Пистолет с глушителем». «Взрыватели-карандаши замедленного действия». «Пистолет-пулемет».

Матвеев поманил за собой Тартакова и спросил:

– Как продвигается дело с бойцами основной группы?

– Беседую. Изучаю досье. Проникся уважением к командиру группы – капитану Левицкому. Он мне сказал: «Представь себе самолет. Его моторы могут полететь, а сам самолет – упасть».

– Веселый парень. На что он намекнул? На приключения, что ли?

– Ну да. Всякое может стрястись.

– Давай проясним один момент. Фамилия этого капитана Левицкий или Немо?

Матвеев махнул рукой, словно прогонял видение искателя приключений.

– Работа с агентами вступает в новую фазу. Нам придется вернуть им истинный возраст. Любого пограничника на паспортном контроле насторожат эти взрослые глаза. – Он тщетно попытался изобразить «эти глаза».

«Будто на горшке сидит», – подумал Тартаков, глядя на выпученные гляделки шефа.

– С таким выражением лица, как у того же Наймушина, можно записаться в космонавты, – в свою очередь, сопоставил Матвеев. – Они не похожи на туристов. Даже с горными велосипедами, плеерами, татуировками и дредлоксами. Возможно, я преувеличиваю, но мне придется скорректировать их поведение на определенном участке работы – прохождении таможенного и паспортного контроля. Вот где начинается основная работа.

– Ты представлял их в реальной жизни? – неожиданно спросил Тартаков.

– Поясни.

– Вне стен этого здания. Как они ведут себя, как разговаривают. Знаешь, мне показалось, они молчаливые.

– Молчаливые? – Матвеев покачал головой. – Замкнутые.

Пожалуй, он нашел точное определение, смысл которого происходил от замкнутого пространства «Инкубатора».

2

Вячеслав Хазин ничего не понял, когда в приемную вошли два парня и девушка. Он скосил глаза на Матвеева и чуть слышно спросил:

– Сегодня в профильном отделе день открытых дверей? Или они твои дети?

– Для хороших людей двери контрразведки открыты всегда. И они мои дети, – улыбнулся полковник. – Умеешь держать язык за зубами?

– Я умею держать за зубами бритвенное лезвие, капсулу с ядом, иголку, то, чем можно убить.

– Или отравиться. Начинай, Слава. Пару слов о том, почему ты к нам, а не мы к тебе.

– В гости ко мне не допустят даже с пышным венком.

Матвеев уселся в дальнем углу приемной, плотно запахнув шторы. Хазин сначала развел руками, потом обратным

жестом пригласил молодых людей приблизиться к столу. Выждав несколько секунд, он коснулся рукой коробки:

– Пистолет с глушителем. Самоделка, по сути. – Затем наглядно продемонстрировал оружие, озвучивая свои действия. – Глушитель, он же корпус – с окном для выброса стреляной гильзы. Всем видно? Это мушка и целик. Это рукоятка для взведения. На ней вы видите токарную накатку. Оружие ставится на боевой взвод путем поворота рукоятки по часовой стрелке. Дальше. Спусковой крючок без защитной скобы. Это зажим предохранителя. Как вы видите, он расположен по другую сторону рукоятки и срабатывает при обхвате пистолета рукой. Это магазин-рукоятка с зажимом. Полностью разборный пистолет. Магазин-рукоятка, ударно-спусковой механизм крепятся к глушителю-корпусу четырьмя винтами. Все части этого оружия сконструированы таким образом, что их можно надежно спрятать в трубчатых полостях багажной сумки с выдвижной ручкой или в раме велосипеда.

Хазин быстро собрал пистолет и передал его Наймушину.

– У вас будет время потренироваться. Я же сегодня намерен загрузить вас теми типами оружия и оснащения, которые вам необходимы для работы. – Хазин вынул из другой коробки спутниковый телефон. – Абсолютно безопасная вещь. Сигнал с него легко снимается американским спутником типа «Каньон», но расшифровке сигнал не поддается. Однако

спутник передаст в центр обработки информации АНБ[4] точные координаты этого аппарата.

Хазин положил рядом с телефоном часы с компасом и красноречивым жестом дал понять, что комментарии излишни.

– С виду обычная кроссовка, – сказал он, демонстрируя спортивную обувь. – Однако под задником есть нечто интересное. – Несмотря на то что эта часть обуви, охватывающая пятку, была прострочена, Хазин легко сорвал ее и показал то, что пряталось за ней: вытяжную петлю. Он резко потянул за нее, и в его руках оказалось плоское лезвие длиной десять сантиметров. – В такой обуви вы сможете пройти любой контроль, потому что детекторы металла не реагируют на это лезвие.

Очередная коробка.

– Бинокль – гаджет, по сути, базовый комплект для двух оптических прицелов. – С ловкостью фокусника Хазин разделил бинокль на две части, одну передал Наймушину. – Это прицел с элементами питания, четырехкратная увеличивающая насадка, крышки и переходник на узкий «ласточкин хвост». Прицел без переходников устанавливается на кронштейн типа Weaver, обычно применяемый на оружии иностранного производства. Так же в комплект входит переходник с боковым креплением.

Очередь дошла до пистолета-пулемета. Хазин разложил

---

[4] Агентство национальной безопасности США, Форт-Мид, штат Мэриленд.

на столе крышку коробки, возвратную пружину с направляющей и защелкой, затворную раму в сборе со штоком, затвор, ствольную коробку, интегрированный со стволом глушитель, газовую камеру, магазин.

– Пистолет-пулемет имеет модернизацию на базе ижевского «бизона». Во-первых, потому что «бизон» оснащен шнековым магазином, и его легче спрятать в трубчатых конструкциях тележки или велосипеда. В процессе модернизации он лишился предохранительного устройства, антабок, приклада, флажка переводчика огня. Теперь при полном выжимании спускового крючка прозвучит длинная очередь, при неполном – форсированная.

– Как на автомате Никонова, – покивала Тамира.

– Что вы сказали?

– Такая система установлена на автомате Никонова. Двухтемповый АН-94 «Абакан». Чувствуешь отдачу только после того, как вторая пуля из очереди покинет ствол. Первые две пули ложатся как из снайперской винтовки. Так что стрелять из «Абакана» лучше всего акцентированными очередями. – Дикарка улыбнулась и подмигнула эксперту по оружию.

Матвеев и Хазин вышли покурить. Прислонившись спиной к прохладной стене на лестничной клетке, Матвеев выразил сомнения по поводу надежности тайников:

– Рентгеновский анализ в аэропорту покажет, что внутри рамы велосипеда находятся металлические предметы.

– Есть такое понятие – рентгеноконтрастные средства.

– Что это за чертовщина?

– Некоторые химические вещества увеличивают или уменьшают поглощение рентгеновских лучей. Есть тяжелые – сульфат бария, препараты йода, есть легкие рентгеноконтрастные средства – воздух, кислород. Каждая оружейная деталь будет обернута в вощеную бумагу, помещена в полость рамы. Затем полости будут заполнены веществами, о которых я только что сказал. Я ответил на твой вопрос?

– Да.

– Ответь и ты. – Хазин кивнул в сторону кабинета. – Ты вовлекаешь в работу подростков. Работа опасная. Риск не оплачивается. Жизнь не страхуется. Надеюсь, все это несерьезно.

Полковник ушел от ответа.

– Дублеры. Это слово тебе о чем-нибудь говорит? – спросил он.

– Меня оно настораживает, – ответил Хазин. – Случись что с основной группой, на задание пойдут они, – кивок в сторону. – Я прекрасно знаю, что дублеры всегда уступают в плане подготовки.

– Не всегда.

– Пусть будет так. Мне не по себе, понимаешь? У меня сын в таком же возрасте. Откуда они? Ты нашел их на улице? Если да, то два или три года назад. Я научился читать по глазам.

«Да, это главная проблема», – не удержался от вздоха Матвеев и вслух продолжил:

– Знаешь, был такой французский маршал по имени Льотэ. Он участвовал в колониальных войнах в Северной Африке. Однажды в Марокко Льотэ направлялся со своей свитой во дворец. Стоял полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывающий от жары маршал распорядился по обе стороны дороги посадить деревья, которые давали бы тень. Один из его приближенных заметил: «Но ведь деревья вырастут через двадцать – пятьдесят лет». Маршал прервал его: «Именно поэтому работу начните сегодня же».[5]

– И вы взяли за основу принцип долговременности.

– Не всегда получается сразу получить результаты. Чаще всего мы не стремимся к этому.

– На что ты надеешься, Саша?

– Лучше я скажу, на что я опираюсь. Во-первых, на уличные традиции этих ребят. Прочная связь с их взглядами на жизнь, вкусами, обычаями незримо поддерживалась на протяжении двух лет. Улица – их дом, воздух. Религия – по Окуджаве. Они выживут на задворках, не задумываясь об этом. Они не будут подстраиваться, играть, а значит, не вызовут подозрений. И еще одна традиция: взаимоотношения с правоохранительными органами. Такому поведению научить очень трудно. Они же почерпнули его из источника, в котором варились месяцы, годы.

---

[5] По материалам «Независимого военного обозрения».

Матвеев рассмеялся над растерянным видом Хазина и похлопал его по плечу.

– Ты прав, Слава: «деревья» мы посадили два года назад. И мне тоже не по себе. Но я смирился с этим. И вот почему. Эпизоды с провалами спецов имеют место, а по «малолеткам» такой статистики нет вообще. Это на фоне их подготовленности. Пожалуй, кроме опыта, они не уступают старшим, а в чем-то превосходят их. Мне нужен результат, а отсутствие статистики отмывает мне глаза.

– Смотришь в будущее с оптимизмом?

– Давай закроем эту тему раз и навсегда. Подготовь три пары кроссовок. Размеры 43, 42, 36. Три пистолета, столько же пистолетов-пулеметов, оптических прицелов и прочее. Велосипеды, багажные тележки должны иметь подержанный вид. Один из моих парней может проконсультировать тебя в плане велосипедов.

– Который из них?

– Тот, что повыше. Велосипедист-экстремал. Когда он на велике, преград для него не существует. Несбывшаяся мечта – горные маршруты. Его зовут Скобликом. Он-то и поможет тебе подобрать велосипеды.

– Если бы что-то зависело от меня…

– Что?

– Мне не понравились твои слова, – ушел от ответа Хазин. – Ты смирился. Ты не сказал «мне пришлось с этим смириться». У тебя железные нервы, холодная голова, что там

еще?

Матвеев похлопал Хазина по плечу.

– Не бери в голову. Ты оказался во власти впечатлений. Они отпустят тебя уже завтра.

Глава 6
Лучшие из курса

1

Сегодня большую часть дня Матвеев работал с бумагами. Его заинтересовал тест на *«выяснение степени влияния «боевого стресса» на поведение курсантов и характера изменения когнитивных способностей в условиях недостаточного сна, продолжительных физических и психологических нагрузок»*. Выводы оказались неоднозначными. «Через семь дней учебных «боев» часть курсантов заметно хуже справилась с выполнением своих обязанностей». По мнению эксперта, проводившего тест, схожий эффект можно было бы сравнить с тем, если бы курсанты «были пьяны и находились под действием седативных препаратов». Они демонстрировали резкое снижение способности выполнять типовые задания, с которыми приходится сталкиваться в ходе ведения боевых действий. У курсантов отмечалось замедление реакции, ослабление бдительности, а также снижение способности к запоминанию важных деталей. В тесте на способность быстро принимать решения среднее количество ошибок уве-

личивалось с одной до десятка.[6] Исключение – пятеро курсантов: Скобликов, Наймушин, Эгипти, Кунявский, Прохоров.

«Все же они лучшие из курса». – Матвеев стоял на своем. Ему было спокойнее от этой мысли. Во время интенсивных тренировок они не выбились из так называемых познавательных процессов: восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения. Хотя воспринимали внешний мир, других людей и себя сквозь разные призмы познавательной системы: каждый создал свою систему. Остальные курсанты не сумели добиться должной связи опыта с восприятием актуальной ситуации.

К двум часа дня Матвеев вызвал агентов и возобновил вчерашнюю тему, обращаясь в основном к Наймушину, определив его командиром группы.

– Задача командира не доминировать, чтобы остальные выпали из процесса. Задача командира управлять подчиненными, искать решения, выполнять задачу, поддерживать единение – я говорю о тесной связи. И еще раз о ней: только тесная связь между бойцами группы гарантирует успех, помогает выжить.

– Мы это проходили.

Полковник вспылил:

– Не перебивай! Вы еще ничего не проходили, вам только предстоит что-то пройти. Вы даже со своим подростковым

---

[6] По материалам «Независимого военного обозрения».

возрастом пролетели. – Он присвистнул и показал рукой в сторону Парижа. – А я не успел вручить премию идиоту, который тебя нашел и засунул в «Инкубатор». Задел за живое?

– Нет. – Наймушин покачал головой.

«Тупица. Робот хренов! Шлюхой рожденный». Матвеев некоторое время жег его глазами.

– Вернемся к работе. Тема – ваша легенда. Вы – группа спортсменов-любителей по маунтинбайку. Путешествуете в одиночку, ищете новые горные маршруты. В вашем распоряжении будут классные маунтинбайки. Витя Скобликов порекомендовал велосипеды, и мы не могли не прислушаться к мнению специалиста. Цена одного такого велосипеда превышает пять тысяч долларов. С учетом оружия, спрятанного в трубчатых полостях, цена его резко возрастает. Шутка. Велосипеды не новые, своим внешним видом соответствуют опыту их владельцев. Потертые седла, рамы изрядно поцарапаны, на ободьях можно заметить незначительные вмятины. У нас еще есть время, и вы можете потренироваться на одной из наших баз. Тренера я пригласить не сумел. У вас будет играющий тренер. Скоблик. Витя, встань и расшаркайся. Прошу любить и жаловать. Там же потренируетесь над сборкой и разборкой оружия, с вами поработают инструкторы по огневой подготовке.

Матвеев продолжил после паузы. За это короткое время он вспомнил день первый, когда Тартаков предложил ему место в своем кабинете, сам же едва не взмолился, прикинув

степень сжатия объема работы.

– При пересечении итальянской границы нет обязательного таможенного досмотра. Исключение – пассажиры с крупногабаритными вещами и нервным подергиванием мышц лица, шеи, рук, ног, прочих частей тела. В этом случае таможенники могут провести полный досмотр. Горный велосипед относится к этой категории вещей. Даже сложенный велосипед подпадает под это определение. А это значит, вас попросят пройти в комнату для досмотра, а там могут докопаться до лишней пачки сигарет, бутылки вина. Непосредственно перед отправлением ваш багаж будет проверен нашими сотрудниками. Но они не смогут проконтролировать вас в магазине беспошлинной торговли, в самолете, наконец. Ни одной лишней вещи, кроме тех, которыми вас снабдят в дорогу.

Еще одна короткая пауза.

– Легенда возводит вас к армии продвинутой спортивной молодежи. В этой связи билеты на чартерный рейс закажем через Интернет, воспользуемся самыми низкими тарифами – они обычно бывают на ночные или утренние рейсы. Экстремалы вроде любителей пощекотать себе нервы на горных дорогах, в подводных пещерах, в открытом море на аквабайках обычно деньгами не сорят.

Матвеев отмечал пункт за пунктом, отдавая отчет в том, что в этом деле мелочей не существует. Питание не входит в стоимость билета, а предлагается за отдельную плату. Не

стоит сорить деньгами, в очередной раз повторился он и сделал пометку: «Взять с собой пиццу, напитки». И очередная сноска: «Важно! Снабдить агентов фото – и видеокамерами, запасными пленками и картриджами – как обязательное дополнение к спортивному инвентарю и спортивному интересу». И едва не рассмеялся: все перечисленное им являлось разведывательным оборудованием, а не каким-то придатком.

Глава 7
Кастрированные «бизоны»

1

Московская область

На базу огневой подготовки учебного подразделения ФСБ Матвеев и его подопечные прибыли в половине одиннадцатого, на полчаса раньше запланированного срока. Как следствие, командир части отсутствовал, начальник штаба грипповал вторую неделю. Дежурный офицер согласился уладить проблему и, созвонившись с начальством, получил приказ «содействовать полковнику Матвееву». Либо, с согласия последнего, дождаться командира части.

– Времени нет, – ответил Матвеев. Он нашел точное определение сегодняшнему мероприятию: он отрабатывал. Ради галочки в графе. Он лишь удостоверится, что его подопечные из группы разведки и обеспечения умеют обращаться с оружием, но это умение им вряд ли пригодится на практике. Практическое же значение сегодняшней вылазки – пристрелка оружия, его испытание. Что и было тотчас озвучено:

– Пошлите кого-нибудь за инструктором по огневой подготовке. Нам нужно пристрелять несколько «бизонов» и специальных пистолетов.

Дежурный позвонил по телефону и, назвав абонента Сергеем, распорядился:

– Давай к ангару «А». Только в темпе.

Повесив трубку, он указал направление Матвееву:

– Подождите инструктора на месте. Оружие можете перенести прямо сейчас.

Был выходной. Большинство курсантов получили увольнительные, в части остались лишь караульные и смена, занятая в этот солнечный день на хозяйственных работах. Инструктор по огневой подготовке, наоборот, приехал на работу на полчаса раньше, успел переодеться в униформу. Перекинулся парой слов с дежурным офицером: кого ему предстоит инспектировать. Этот контекст прямо указывал на то, что неизвестные ему люди умели держать в руках оружие.

Несмотря на то что «бизон» претерпел изменения, основные элементы остались в первозданном виде. Полковник Матвеев стоял в стороне от стола, похожего на выдранный кусок пола в деревенской избе, и наблюдал за агентами. Рама маунтинбайка представляла собой набор состыкованных между собой труб довольно большого диаметра, что позволило спрятать в них возвратную пружину с направляющей и защелкой, а затворную раму в сборе со штоком. По сути, «бизон» находился в частично неполной разборке. На поли-

гон, естественно, оригинальный тайник не повезли, оружие находилось в продолговатой коробке.

Матвеев даже не успел засечь время, как все трое агентов под бдительным оком инструктора собрали оружие. С подствольными шнеками вместо привычных рожков пистолеты-пулеметы смотрелись необычно, будто чего-то не хватало. От этого полковник Матвеев ощутил слабую душевную тревогу.

И еще одна нестыковка. Опытный инструктор по огневой подготовке сократил сакраментальное «На огневой рубеж марш!» до пренебрежительного жеста, приглашающего попалить по мишеням из «воздушек».

Агенты приготовились к огню из модифицированного «бизона-2Б», предназначенного для работы только с глушителем. 9-миллиметровые патроны «забили» шнек до отверстия с маркировкой 64.

Тир в старом ангаре открытого типа, а точнее, навес со сложной конструкцией, поддерживаемый металлическим трубами-сваями, позволял стрелять максимум со ста метров. Огневой рубеж – ряд деревянных полок. Едва агенты подошли к рубежу, инструктор по имени Сергей откинул полки. Взял в руки пульт и нажал на кнопку. Грудные мишени в конце ангара медленно поползли вперед. Инструктор отпустил кнопку, когда мишени оказались на расстоянии пятидесяти метров. Затем жестом руки потребовал оружие у стоящего рядом с ним Наймушина. Взяв «бизон» в руки и подержав

его на весу, словно взвешивая оружие, поделился знаниями:

– Для «бизона» любой модификации, даже для этого кастрированного «бизона», характерны высокая вероятность попадания в цель и кучность, высокая точность при интенсивной стрельбе.

Инструктор, одетый в черную униформу, был молод – не больше двадцати пяти. Тамира неосторожно поторопила его в стиле «кавказской пленницы»:

– Короче, Склифосовский.

Сергей перевел на нее взгляд, ставший насмешливым. Он оглядел ее брови, губы, нос, пронзенные серьгами и штифтами, и спросил:

– Это что у тебя, боевой комплект развешен по роже?

Наймушин передернул затвор и упер глушитель в живот инструктора.

– Исправься, – улыбнулся он кончиками губ.

Матвеев закрыл глаза. Его неодолимо тянуло вмешаться и погасить конфликт. С другой стороны, он понимал, что правда не на стороне инструктора и он, если не полный кретин, избежит неприятностей. Михей стрелять, конечно же, не станет – Сергей получит по голове от Скоблика, который к этому времени зашел ему за спину.

Ни с того ни с сего Матвееву привиделся дорожный знак «Осторожно, дети!».

Он не видел глаз Наймушина – он неотрывно смотрел на Тамиру. Дикарка чуточку издевалась над инструктором,

поигрывая отяжеленными бровями, кривила окольцованные губы. Полковник чувствовал настроение Сергея и был не на его стороне. Инструктор увидел взрослые глаза на «лице призывного возраста» и понял, что слово «беспредел» здесь не лишнее. Возможно, он в лице Михея увидел тех, кого называют хозяевами ночных улиц.

Сергей впервые в жизни по-настоящему испугался. Внешне оставаясь спокойным, он ощутил сгусток страха в том месте, куда давил глушитель «бизона». Не смея оторвать глаз от Наймушина, он все больше убеждался: этот парень, закаленный в уличных драках, не то что способен выстрелить, он выстрелит без раздумий.

– Извини, – Сергей послал взгляд на Тамиру поверх плеча Михея.

– Да ладно тебе. – Дикарка округлила насмешливые глаза. – Шуток не понимаешь. Давай, учи нас стрелять. Лично я предпочитаю стрелять от бедра, чем навскидку из походного положения. Михей, не будь жмотом, поделись «бизоном».

Наймушин передал оружие подруге. Дикарка переместила вооруженную руку в сторону мишени и с одной руки произвела три форсированные очереди. Три пули пробили верхнюю треть мишени, остальные шесть левую и правую части.

Инструктор послал выразительный взгляд в сторону Матвеева: «Ну и зачем я вам нужен? Если уж подруга так стреляет, чего говорить о парнях».

Матвеев адресовал схожий взгляд Наймушину: «Почему

раньше не сказали?»

– Пусть выработают шнеки, товарищ полковник, – подал идею Сергей. – Что у них еще есть?

Матвеев раздельно произнес:

– Пистолеты. Телефоны. Велосипеды. Видеокамеры. – И добавил пророчески: – Кстати, и это касается всех: остерегайтесь делать глупости там, где есть видеокамера.

Инструктор пожал плечами: «Хорошо». А выражение лица говорило: «Да вы все четверо чокнутые».

Матвееву же вспомнился полковник Щеголев:

«Этап в первые два месяца, который мы называли первым коррективным, изменил курсантов до неузнаваемости. Это были уже не те мальчишки, которые смотрят в рот и выполняют любые приказы. Уже на этом коротком этапе мы научили их четко отделять возможное от невозможного».

По пути в Москву Матвеев неожиданно спросил у Наймушина:

– Расскажи о себе.

– Что именно?

– Как ты оказался на улице, на вокзале.

– Вы знаете.

– И тем не менее. Ответь, почему ты выбрал Ярославский вокзал?

– Выбрал? – Наймушин усмехнулся и покачал головой. – Далеко от дома не хотел уходить. На Казанском половчее бы-

ло выжить, но я выбрал «Ярославку». Потому что вокзал на той стороне улицы, где был мой дом. Я понимал, что не смогу перешагнуть через порог квартиры. О том, чтобы вернуть ее, я даже не думал – мне еще пятнадцати не исполнилось. В голову другие мысли лезли: подкараулить новых хозяев в подъезде и – ножичком их. Но такие мысли приходили с голодухи, с кайфа. Такие мысли свободны от возраста. Они могут прийти и в двенадцать, и в семьдесят. Потом приходил в норму: новые хозяева тут ни при чем. Отца и мать не искал. Они уехали в другой город. И меня перед отъездом не искали. Потому что я ушел из дома, когда они основательно подсели на алкоголь, «синяками» стали. Думаю, их сразу развели на бабки, или они их быстро пропили. Слышал, что они в деревне хотели дом купить. А что дальше? В деревне пахать надо от зари до зари. Про это мне еще бабка говорила. Таких разговоров и на вокзале наслушался. Знаете, чем пахнет вокзальный воздух? Безнадегой. Вот вы, товарищ полковник, ни в чем не нуждаетесь, здоровы, счастливы. Сходите на вокзал, вглядитесь внимательно сначала в толпы людей, потом в отдельные личности, вдохните воздух полной грудью.

– Полагаешь, уловлю запах безнадеги?

– Задохнетесь в нем.

Полковник долго молчал. Незаметно посмотреть на Тамиру и Михея не получилось. Дикарка даже подмигнула ему, и он расшифровал: «Спрашивай, как я оказалась на улице».

Он не искал пути к отступлению, не собирался выходить из положения, которое с натягом называлось неловким. Он решил прояснить еще один спорный момент.

– Когда попросил начальника курса назвать лучших курсантов, он, не задумываясь, выделил вашу троицу. Он объяснил мне причину, но я хочу услышать вашу версию.

– Карантин длился двадцать восемь дней. Двадцать восемь? – Наймушин уточнил у Тамиры.

– Да, – тряхнула она дрэдами.

– Нас привезли в «Инкубатор» на одной машине, мы с самого начала решили держаться вместе. Были готовы зубами отстаивать нашу дружбу. Мы с Витькой каждый день приходили к проволочному забору, за которым была женская локалка. Иногда Тамире позволяли поговорить с нами, но чаще всего отказывали. Инструкторы были не без глаз, доложили директору курса, Иуда и принял решение направить нас в «подразделение особого назначения». Всего же в карантине сто восемьдесят человек насчитывалось. Отбирали, как правило, крепких, спортивных, и чтобы в дерьме по уши были. Кого-то в суворовское отправили, кого-то в кадеты записали, кто-то снова на улице оказался. Два года прошло. Но своего прошлого, которое осталось за проволокой «Инкубатора», я не забыл.

Глава 8
Из России в Хорватию

1

Матвеев забыл, что ему передал по телефону личный адъютант Бурцева. Поскольку у всех адъютантов одинаковый тон, они по горло напичканы гонором, смысл высказывания лощеного помощника сводился к следующему: «Генерал Бурцев готов проявить нетерпение, если ты, шваль, задержишься хоть на минуту и не явишься ровно в семнадцать ноль-ноль».

Матвеев постарался не дать проявиться генеральскому нетерпению и явился минута в минуту.

– Шеф ждет вас. – Капитан кивнул на широкую и высоченную дверь, куда, не приседая, могла проскочить толпа слонов и носорогов. Матвеев тут же окрестил приемную «Джуманджи». И задал вопрос:

– Вы три или четыре года работаете с генералом. Не трудно?

На самом деле это был перевод со слов: «Ты пыряешь на генерала столько, сколько я тебя не знаю. Не затрахал он тебя?»

– Трудно первые сто лет, – дернулись кончики губ адъютанта.

Наверное, это тоже был перевод: «Это не худшее место, где я мог оказаться. Кругом столько отстойников…»

Матвеев ответил капитану искренней улыбкой и шагнул в кабинет генерала.

Бурцев встретил его в своей обычной манере – подчеркнуто сухо. Но Матвеев мог дать голову на отсечение, что мина недовольства на лице генерала лишена взрывного механизма. Она стращала, наводила трепет, призывала каждого вкалывать и переживать за дело так, как делал это сам генерал. Или делал вид, что делал.

– Как, на твой взгляд, курсанты? Готовы к работе? Присаживайся, – предложил Бурцев, поведя изящной бровью в сторону стола для совещаний.

Матвеев в очередной раз ощутил неловкость и одиночество. Он руководитель секретной операции. Он подготавливает к работе за рубежом сразу две команды. И даже если смотреть на операцию с конца, а не с начала, то и в этом случае на первое место выходит эвакуация обеих групп. И в этой связи он нередко виделся себе птенцом, вылупляющимся из яйца. Проклюнул скорлупу и поглядывает на незнакомый мир одним глазом.

– Присаживайся, – поторопил Бурцев и поставил вопрос иначе: – Твое первое впечатление от курсантов?

Матвеев сел за огромный стол и ответил предельно откро-

венно. В одно слово умудрился запихнуть все свои ощущения, замешанные на наблюдениях за подчиненными.

– Горечь.

Генерал повторил за ним и пожевал губами, словно у него во рту была горькая таблетка.

– Значит, должны принести пользу. Готовишь эвакуационный коридор?

– Так точно.

Генерал жестом руки дал понять: «Начинай».

Матвеев открыл папку. Сложив руки так, будто втихаря подравнивал кипу бумаг, уставился, склонив голову, на середину стола.

– Между прибрежными городами и населенными островами Хорватии регулярно курсируют паромы и теплоходы. Национальный перевозчик – компания «Ядролиния». Туристам предоставляется возможность проплыть вдоль всего побережья на комфортабельных теплоходах-паромах. В зависимости от размеров корабля на его борту могут путешествовать от пятисот до полутора тысяч пассажиров и находиться от ста до трехсот автомобилей. Из города Ровень – район Истрия – туристы могут отправиться в однодневную экскурсию в Венецию на «Ракете». Визы не нужно – достаточно купить билеты на корабль.

– В «Ядролинии» работает твой агент? – Бурцев не дал подчиненному ответить. – Я поднял материалы, которые впору назвать скандальными. Накануне твоего увольнения

из службы тебя попросили передать хорватского агента офицеру из управления контрразведывательных операций. Почему ты отказался?

Матвеев решил внести ясность:

– Отказался мой агент. Я не смог сделать ему выгодное предложение.

– Почему?

– Потому что не услышал такового от начальства. Оно в то время ело и развлекалось с размахом, а в работе проявляло удивительную скупость. Оно не могло понять простой вещи: работа с агентом затратная, стоимость его услуг не может не расти. И что я слышал в ответ? Мол, бензин дорожает, потому что увеличиваются затраты на его перевозку из-за подорожания цен на бензин.

– Говори конкретно. – Бурцев из тирады подчиненного понял, что это камень в его огород. Он услышал намек в свой адрес, поскольку любил развлекаться, но его любовь распространялась в определенном направлении и называлась тягой к боям без правил. Его можно было заметить и на закрытых соревнованиях атлетов, и на официальных встречах. Он любил смотреть на кровь на лицах соперников, его чуткие ноздри улавливали ее тепло, тягучесть. Он и сам нередко участвовал в жестоких поединках, и соперников ему подбирали на порядок слабее. Причем зря: кто же станет лупить по чекистской физиономии в чине генерал-майора.

– Конкретно, я не мог заплатить агенту конкретную цену

за его услуги, – объяснил Матвеев, надеясь, что смысл дойдет до генерала. – Хотя у него были проблемы. Устранив их, стоило рассчитывать на дальнейшее сотрудничество.

– Расскажи о нем.

«Ладно». Матвеев пожал плечами. И сделал лирическое отступление:

– У него красивые синие глаза, светящиеся умом. Кроме того, он был причастен к международной преступной группировке. Вкратце работа сводилась к следующему. На «Ракете» в Венецию прибывает группа туристов, среди них двое намерены остаться в Италии. Они так же, как и остальные, сдают паспорта инспектору венецианской таможни – участнику преступной группировки. Тот не регистрирует паспорта, позже уничтожает. Другой вариант. Инспектор пропускает незаконных мигрантов вместе с паспортами, если документы им нужны. Через своего агента я переправил в Италию и вернул обратно не один десяток человек, порой без интереса для моей службы.

– Рассчитываешь на помощь хорватского агента?

– Он не похож на игральный автомат, – заметил Матвеев. – Просто так его за руку не дернешь. Нам нужны три семерки, значит, придется заплатить.

– Или долго дергать за руку.

– Можно додергаться до презентации книги генерала-предателя, – рассудил Матвеев. – Он назовет свои комиксы «Кремль и Минобороны в моей ширинке» или «Дерни, де-

точка, за веревочку».

Бурцев прошелся вдоль стола, пряча улыбку. И только тогда его словно догнали недавние рассуждения полковника. Фактически судьба операции лежала на одних плечах.

– Ты планируешь переправить обе группы самолетом.

Матвеев не понял, вопрос это или ответ. Пришлось подтвердить:

– Да. С разницей в две недели.

– Неважно. Почему ты игнорируешь коридор для переброски в Венецию «Ракетой» обеих групп?

– Нельзя задействовать один и тот же канал дважды, – сказал Матвеев поучительным тоном. – Любая осечка при переходе в Венецию грозит обернуться провалом в обратном направлении.

– Когда ты планируешь поездку в Хорватию?

«Когда ты бросишь спрашивать?»

– Если бы вы не спросили сегодня, я бы обратился с этим вопросом завтра. Мне потребуется пара-тройка пухлых кредитных карт, не оставляющих следов. Неважно, кто и по каким каналам обналичит деньги, но банковские следы на этом должны оборваться. Я толкую об очень чистых деньгах.

– Ты забыл потребовать от меня еще одну вещь.

– Какую? – все больше наглел Матвеев и все больше удивлялся своей наглости.

– Бланк для отчета, – уточнил генерал.

– Если вы настаиваете.

2

Истрия, Хорватия

Матвеев мог сказать себе, что в очередной раз в Истрии. Только для него «очередной раз» означало строгую определенную последовательность – закончить работу в определенные сроки, просмотреть очередную игру любимой команды. Что-то ближайшее в ряду предстоящих задач. Когда он вдохнул полной грудью пьянящий морской воздух, улыбнулся: «Я снова в Истрии».

Он взял такси до Ровиня. Слева и внизу городки в венецианском стиле, ковры из цветов, бухты и скалистые берега, которые ласкают синие волны. Справа полуострова поселки и городки. И, конечно же, острова. Больше тысячи островов, совсем небольших клочков суши и просто скал разбросаны по всему хорватскому побережью…

Некоторые поселки подходят к дороге так близко, что на воротах домов можно разглядеть герб Истрии. Но чаще гербы Истрии и Венеции – козу и крылатого льва. Матвеев вспоминал эти символы еще в Москве, он увидел в них потаенный смысл, наводящий на связь между Истрией и Венецией. Это мост между двумя провинциями разных государств,

разделенных водами Адриатического моря, но неразрывно связанных историей. Он твердо верил в то, что этот призрачный мост, будто окаменевший от определения «эвакуационный», выдержит нескольких человек.

Его агент по имени Иво Фалкони назначил встречу в ресторане «Валентино». Матвеев увидел знакомые уже задрапированные плетеные кресла и подушки. Вечерело. Вот-вот служащие ресторана зажгут вечернее освещение – факелы. Лучший ресторан в Ровине. Кажется, в таком суховатом стиле ему впервые порекомендовали это заведение.

Иво, лет пятидесяти респектабельный хорват, одетый в светлый костюм, встретил Матвеева именно так: «Лучшее место на всем побережье».

Полковник хмыкнул, здороваясь с ним за руку:

– Даже гиды себя так не ведут.

– А как ведут себя гиды?

– Гиды ведут себя, как гиды.

– Полагаешь, они всю дорогу улыбаются?

– Всю дорогу?

– Ну да.

– Я такого не говорил. Вижу – не рад встрече.

Фалкони промолчал. Матвеев решил закончить мысль. Пока не зажглись факелы, он поднял стакан с коктейлем, даже не поинтересовавшись его смесью. Был уверен в одном: это лечебная смесь, насыщенная чистым воздухом, приправленная морским бризом.

Давние знакомые – Матвеев и Фалкони – сидели в отдельной кабинке, закрепленной прямо на скале. Кабинка один в один походила на клетку ажурной работы, выкрашенную в белый цвет. Но больше всего она смахивала на кладбищенскую ограду, а два клиента в ней – на покойников, вылезших в этот вечер подышать свежим воздухом, под живой джаз выпить целебную смесь.

Но не об этом хотел сказать Матвеев. Также ему не хотелось поднять настроение собеседника, который явно не обрадовался приезду русского разведчика.

– Море здесь удивительного синего цвета, – сказал Матвеев и простер руку со стаканом. Иво машинально отстранился, побоявшись, что полковник захочет засечь этот торжественный миг на своих наручных часах, и прольет коктейль ему на дорогие штаны. – Коричневатые рифы походят на вершины скал в самом засушливом американском штате. Будто море затопило Америку, а на поверхности остались лишь коричневые вершины. Выжили лишь Маккенна, его подруга – дочь судьи, кажется, и две скаковые лошади.

– Я никогда не видел тебя таким. – Иво даже не пытался подобрать определение, каким именно. Он смотрел на Матвеева, а тот любовался баркасами, приспустившими к вечеру белоснежные тенты.

Иво не зря выбрал местом встречи этот ресторан. Тут можно разговаривать на любые темы – вольные, фривольные, запрещенные. Никто не обратит на тебя внимания, ес-

ли ты даже грязно выругаешься и швырнешь официанта на острые скалы. Здесь каждый занят собой, собеседником или милой собеседницей.

– Слышал, ты по-прежнему работаешь в «Едролинии», – сказал Матвеев, делая ошибку в произношении.

– И дальше собираюсь, – буркнул в ответ Фалкони. – У меня там все схвачено. Сколько мы не виделись? – спросил он, рассматривая собеседника через потеки на высоком стакане.

– Три года.

– Много воды утекло. У меня сменились напарники – как здесь, в Ровине, так и в Венеции.

– Погоди, я продолжу. Я знаю, что ты хочешь сказать. Венецианский пограничник так постарел за три года, что аж вышел на пенсию, перебрался с семьей на материк, где и скончался. Его напарник хотя и не был космонавтом, но покинул этот мир. Хорватский партнер куда-то сгинул. Уже три года его никто не видал. Без дырки в голове. Я прав?

– Кто его знает? – Иво пожал плечами. – У тебя деловое предложение?

– В точку попал, – фальшиво улыбнулся Матвеев. – Нужно вытащить сюда шестерых заблудших.

– У них проблемы с итальянским правосудием?

– Пока нет. Но проблемы будут. У них украдут деньги, документы, водительские права.

– Извини, что перебиваю, Саша. Всегда хотел спросить о

твоем возрасте. Сколько тебе?

– Пятьдесят. Шестьдесят. Семьдесят. Точно не помню. Так вот. Я подготовил паспорта – ровно шесть штук. Они должны оказаться на венецианском пограничном посту.

– Все шесть сразу?

– Нет, конечно. Сначала границу перейдут три человека, через пару дней еще три. Первая тройка – это молодые люди. На уме горные велосипеды. Горные маршруты. «Аква минерале».

– Спортсмены?

– Пошли по стопам родителей. Они профессиональные биатлонисты. Матери занимались лыжами. Отцы – палками. Детям достались винтовки. Мое дело маленькое, но ответственное: наладить прерванные контакты и переправить две группы условных нелегалов. Заметь, я опустил «с тобой и через тебя».

– Ты всегда упускал эти мелочи. – Иво указал бокалом на клиентов ресторана, облюбовавших валун с плоской поверхностью. Двое возлежали на траве вокруг него, и было видно, что им неудобно; остальные сидели, скрестив затекшие напрочь ноги. – Они заказали столик в ресторане, но забыли заказать стулья.

Хорват допил коктейль. Подозвал официанта и заказал водки.

– Так что ты решил, Иво? – спросил Матвеев.

– Пять тысяч за клиента, – поставил условия Фалкони.

– Ты сможешь обналичить деньги с кредитной карты?

– Для тебя сделаю это за десять процентов.

Матвеев слазил в карман и передал хорвату банковскую карту.

– Предоплата. Первые три паспорта ты получишь за день до переброски первый группы. Это значит, что на «Ракете», отправляющейся в Венецию, должны остаться три свободных места.

Иво постарался хмыкнуть незаметно. Но от Матвеева ничего невозможно скрыть. Он легко проник в мысли хорвата. Он полагал, что не ошибается: если бы он запросил по двадцать тысяч за клиента и более высокий процент за обналичивание, у Матвеева нашлась бы другая карта.

Она и была у него. Он вытащил ее из кармана с ловкостью лохотронщика.

Иво перешел на другой тон:

– Что ты хочешь за нее?

– Три хорватских паспорта. Запомни имена людей: Анжелина Мирович, Слава Мирович, Григорий Плиев. Им по восемнадцать лет. – Из кармана Матвеева появились фотографии Эгипти, Наймушина и Скобликова. – Они вылетят в Италию из России и по российским паспортам. На пару дней задержатся в Венеции. Где тебе удобно передать им документы?

– На паспортном контроле. – Иво коротко хохотнул. – Запоминай: Большой канал, пристань Сан-Дзаккария. О време-

ни мы договоримся позже. Знаешь апартаменты Villacissa? – спросил он.

– Еще бы, – с энтузиазмом отозвался Матвеев. – Отличные четырехзвездочные апартаменты. Знаю и тихую улочку в Старом городе, где расположен отель.

– Я снял тебе апартаменты со всеми удобствами. Таких всего три, и каждый занимает целый этаж. Если честно, я рад встрече. В свое время ты мог испортить мне жизнь, но не сделал этого.

– Я могу сделать это прямо сейчас.

Фалкони снова рассмеялся. Матвееву же было не до шуток. Он решил использовать Фалкони дважды. Оружие. Он думал о подстраховке в этом вопросе. Иво у себя в Хорватии сможет достать любое оружие. «Мне он не откажет. Но согласится ли переправить его в Венецию?»

На этот вопрос Фалкони ответил, пожимая плечами:

– Нет проблем. Оружие из Хорватии, из рук в руки от хорватских продавцов. Покупать оружие у итальянской мафии – выбросить деньги на ветер и рыть себе могилу. Какое оружие тебя интересует?

– Три «ствола» с глушителями.

– Пистолеты?

– Да. Плюс бесшумные пистолеты-пулеметы для скрытого ношения.

Иво повторился:

– Я никогда не видел тебя таким. Мне кажется, у тебя раз-

двоение личности, – тонко заметил он.

– Если бы. – Матвеев покачал головой. – В таком случае я попросил бы у тебя всего пару пистолетов. Но мне нужно в три раза больше.

Иво задумался, и Матвеев знал, о чем: о неприкосновенном коридоре, предназначенном только для эвакуации. Полковник начал сорить в нем, оставлять следы, обычно так не делают.

Хорват повторился в третий раз, чуть переиначив фразу:

– Раньше ты был совсем другим.

– Прошло столько времени. Я мало что помню, – с улыбкой ответил Матвеев.

Глава 9
Капитан Левицкий

1

Москва

Сегодня Матвеев впервые встретился с командиром основной группы капитаном Левицким. Оставив его в коридоре отдела, Матвеев переговорил с майором Тартаковым. Последний сообщил, что между ним и Левицким назревает конфликт.

– Подробнее, – попросил Матвеев.

– Левицкого смущает тот факт, что вы, полковник, занимаетесь с группой обеспечения, задача которой собрать максимум разведывательной информации, подготовить подробный отчет и обеспечить основное ядро оружием.

– Понимаю, что его смущает. Ударный механизм операции в руках какого-то майора.

– Не пойму, откуда такая ревность.

– Скорее соревновательная страсть за первое место. Ты спрашивал его, что он ответил?

– Ему этот факт показался странным.

– Если бы он, не дай бог, попал в больницу, в качестве лечащего врача потребовал бы заведующего отделением. Какого ты мнения о Левицком?

– Он профи, но он странный, – ответил майор.

– Пригласи-ка эту диковину.

Через минуту Вадим Левицкий сидел напротив руководителя операции – в потертых джинсах, рубашке с короткими рукавами. Из одного кармашка торчала дужка солнцезащитных очков, другой топорщился от сотового телефона. Майор Тартаков занял место слева от стола.

– Называйте меня Александром Михайловичем. Вас я буду называть по имени, идет?

Левицкий повел выгоревшими бровями: «Мне все равно».

– Хорошо. Как лицо, ответственное за проведение спецоперации, довожу до вашего сведения, что майор Тартаков является лучшим специалистом по боевому планированию. Дополнение «в нашем управлении» можете перевести как угодно. Но лучшего, чем он, я не встречал. Я констатирую факт, а не встаю на защиту майора Тартакова. Надеюсь, вам это понятно.

– Так точно.

– Стиль нашей работы вам показался странным. Вас что-то не устраивает в распределении ролей? – Матвеев не дал Левицкому ответить. – Роли распределены по системе «в ме-

ру способностей, исключая потребности». Мне рекомендовали вас в качестве одного из лучших в своей профессии. Пробежимся по вашей биографии. Я спрашиваю, вы отвечаете. Вы родились в 1976 году?

– Да.

– Окончили среднюю школу?

– Да.

– Проходили службу в отряде спецназа военной разведки?

– Да.

– Окончили общевойсковое командное училище?

– Да.

– По распределению попали в Речицу, где осуществляли охрану особо секретного объекта – арсенал химического оружия?

– Да.

– Написали рапорт и были переведены приказом в подразделение «Луганск» Главного разведывательного управления?

– Да.

– Были задействованы в спецоперациях за рубежом?

– Да. Вы читали мое личное дело. Почему спрашиваете?

– Поэтому и спрашиваю. – Матвеев повернулся к сейфу, открыл его, вынул старомодную папку и положил перед собой. Развязав тесемки, демонстративно перебрал несколько листов на скоросшивателе. – На руки я получил не досье, а вырезки. Я не нашел отчетов ни по одной спецоперации.

Собирал дополнительную информацию по своим каналам. Вы надежны. Вы профи. Вам не нравится полковник Матвеев. Вы не в восторге от лучшего планировщика управления. В наших отношениях полный баланс. Итак, вы были задействованы в спецоперациях за рубежом. Назовите последнюю.

– В 2004 году был в двухнедельной командировке в Италии.

Матвеев и Тартаков обменялись многозначительными взглядами.

– С офицерами из какого итальянского ведомства вы напрямую контактировали?

Матвеев приготовился записывать.

– С полковником Пальмиро Сангалло из финансовой полиции.

– Пальмиро Сангалло?

– Да. Он руководил совместной спецоперацией по обезвреживанию международной преступной группировки.

– С офицерами таможни, пограничниками вы не контактировали? Одну секунду, я закончу предложение на бумаге.

– Нет. Операция по задержанию заняла считаные секунды. На подготовку ушло в общей сложности полгода.

– В каком аэропорту происходило задержание?

– В столичном.

– В Риме два аэропорта.

– Аэропорт Леонардо да Винчи, – уточнил Левицкий.

– В аэропорту Чампино вы не были?

– Никогда.

Матвееву не понравился тон разговора. Но он взял его намеренно. Полагал, что поставил Вадима Левицкого на место. Капитан относился к той категории людей, которые добрые отношения принимают как послабление и норовят сесть на шею. Левицкий едва ли не сразу выразил недовольство, едва «просклонял» основную группу и майора, группу обеспечения и полковника.

Также Матвеев ответил на вопрос: откуда у капитана Левицкого такой своеобразный гонор. И он озвучил свои мысли:

– Вы привыкли подчиняться, однако офицерские погоны принуждают вас отдавать приказы. Это нормально. Подчиняйтесь приказам майора Тартакова и полковника Матвеева, отдавайте приказы своим подчиненным – как командир диверсионной группы. Вопросы?

– Когда я познакомлюсь с бойцами из своей группы?

– Всему свое время. Не исключено, что ваше знакомство состоится в Италии. Ради соблюдения секретности я пойду на любые меры. Еще вопросы?

– Нет.

– Вы свободны.

Когда за капитаном закрылась дверь, майор Тартаков сказал:

– Он выполнит задание.

– Кто бы сомневался, – ответил Матвеев.

– И все же почему Левицкий? – спросил Тартаков. – Почему ты отклонил десять равнозначных кандидатур? Выбирал лучшего среди равных?

– Мне важен общий язык, незримая связь между двумя группами – разведки и обеспечения и диверсионной. Разведчики учились у Левицкого. И эта связь показалась мне симпатичной – раз, рабочей – два. Взаимопонимание – вот что важно.

2

«Генералу Бурцеву от Матвеева. Прошу предоставить мне полный отчет о совместной операции в Италии, в которой принимал участие капитан Левицкий. Его взаимодействие с итальянскими силовиками вызывает сомнение в плане пригодности капитана Левицкого в качестве командира основной группы. Также прошу через ваши возможности выяснить, в каком ведомстве и какую должность занимает полковник финансовой полиции Пальмиро Сангалло. В июне 2004 года Сангалло руководил совместной спецоперацией, в его подчинении находились две группы спецназа – из состава финансовой полиции Италии и подразделения спеццентра ГРУ «Луганск».

Офицер контрразведки по фамилии Грушин заканчивал,

его словами, строчить отчет для отставника Матвеева. Он также сделал запрос и получил «из Леса» – Службы внешней разведки – скупую информацию. В частности, в справке было отмечено:

> *«Полковник Пальмиро Сангалло, ранее возглавлявший подразделение по борьбе с наркотиками в Финансовой полиции, уволился со службы в январе 2005 года. Согласно нашей информации Сангалло в данное время возглавляет службу безопасности столичного аэропорта».*

Грушин потянулся к трубке телефона и набрал внутренний номер. Поздоровавшись с абонентом, он сказал:

– Звонок другу. У нас тридцать секунд.

– А что на кону?

– Пока не знаю. Играю втемную.

– Спрашивай.

– Как называется столичный аэропорт в Италии? Понимаешь, составляю записку лично для шефа. Не хочу упускать мелочи.

И Грушин, и его коллега на том конце провода совершили ошибку. Один назвал аэропорт в Риме, второй, коренной москвич, разведчик, не поинтересовался, сколько столичных аэропортов в Италии. Хотя сам нередко вылетал самолетами из столичных аэропортов Шереметьево, Шереметьево-2, Внуково. Быково – тоже один из аэропортов Москвы, хотя расположен в тридцати пяти километрах к юго-востоку от

столицы.

И он сделал уточнение в конце справки: *«Пальмиро Сангалло возглавляет службу безопасности аэропорта Леонардо да Винчи»*. Тогда как Сангалло был назначен на эту должность в другом римском аэропорту – Чампино.

Матвеев получил ответ на свой запрос сегодня в полдень. Его интересовало пересечение Левицкого с инспекторами таможни, паспортного контроля, службы безопасности других аэропортов, исключая Леонардо да Винчи, где в 2004 году и была проведена совместная спецоперация.

– Что интересного по Сангалло? – спросил Тартаков.

– Он уволился со службы полгода назад и сейчас возглавляет службу безопасности главного аэропорта Италии, – ответил Матвеев. – Его не повысили в должности, и в этом я не вижу осложнений, расстройств. Изменения налицо. Вот ты, Женя, согласился бы на должность начальника службы безопасности столичного аэропорта или отклонил бы предложение, дожидаясь звезду, должность? Откуда лучше видна перспектива?

– Из нового кабинета Пальмиро, – не задумываясь ответил Тартаков. – Если что-то и не видно, то можно подложить под ноги несколько пачек евро. Думаю, Сангалло получает деньги пачками.

– О чем это говорит?

– О многом.

– Итак, решено. Отправляем Левицкого самолетом в Чам-

пино. Наймушина, Скобликова и Эгипти – в аэропорт Марко Поло.

Глава 10
Таможенный коридор

1

Венеция, Италия

Помощник Матвеева в Италии Андрей Родионов, одетый в модный, слегка помятый льняной костюм, приехал в аэропорт Марко Поло, что в двенадцати километрах к северу от Венеции, ровно в полдень. Он изучил каждую черту прибывающих с заданием агентов и смог бы распознать их даже в гриме, которым пользуются профессионалы, включая киллеров. Узнал бы он агентов из-за их возраста. Не расплывчатого – от тридцати до сорока, а именно конкретного.

Родионов не страдал любопытством. Провалится группа агентов на паспортном контроле, он и глазом не моргнет. Его дело маленькое – проследить за агентами и составить подробный рапорт об их поведении в зоне прилета. У Родионова сложилось такое чувство, будто в аэропорт прибывает группа киборгов. В этом случае корректировки были бы весьма полезны: что-то подкрутить, перепрограммировать,

довести до ума. Хорошо сказано, улыбнулся Андрей: довести до ума робота.

Родионов сосредоточил внимание на тучном таможеннике с недовольным лицом. Он только что избавился от последнего в очереди пассажира, прибывшего рейсом из Берлина, и поджидал очередную разношерстную толпу. Родионову показалось, таможенник пусть не потерял контроль над собой, но утратил внимание: он торопился избавиться от последнего клиента. Ему уже требовалась замена. Очевидно, этот толстяк в форме и будет обслуживать пассажиров с российского борта. Он, уставший, немного нервный, капельку рассеянный, – самая лучшая кандидатура. Плохо, если его сменят на свежего и более бдительного.

К этому времени диктор объявила о посадке авиалайнера «Ту-154» и пригласила встречающих прибыть в зал прилета. Чуть раньше на табло под крупными буквами ARRIVO (прибытие) высветилась информация о российском чартере.

Пограничник помассировал веки, потянулся… и остался на месте. Позади него отчетливо просматривалась через прозрачные двери комната для дополнительного досмотра, куда приглашают стандартной фразой: «Пожалуйста, следуйте за мной. Всего пара минут». В схожее помещение могут пригласить и таможенники. Но – внимание. Открылась застекленная дверь, и в зал шагнул первый пассажир прибывшего рейса. Родионов отчего-то занервничал, словно сам собрался пройти паспортный и таможенный терминалы.

И вообще, встреча агентов, прибывающих в страну с заданием, вещь из ряда вон выходящая. Родионов впервые участвовал в такой акции, несмотря на то что в качестве оперуполномоченного военной контрразведки проработал шесть лет.

2

Михея первым остановили в таможенном терминале. Через плечо перекинута багажная сумка, в руках два велосипеда – свой и Тамиры.

– Один момент. – Инспектор таможни в форме предстал в роли постового. Одной рукой он перегородил российским туристам дорогу, другой указывал направление. – В комнату досмотра вещей, пожалуйста. Алло, вы говорите по-итальянски?

– Стелле и папперделле, – опередила товарищей Дикарка.

– Так, – нахмурился таможенник. – Значит, звезды и лапша.

– Si, – буркнула Дикарка. И продолжила по-русски: – Пообещал себе раздеть меня до трусов?

– Me lo dica in inglese, – попросил он и потребовал паспорта.

Он вошел в просторное помещение последним, плотно притворив за собой дверь.

Начальник смены бросил взгляд на Дикарку, Михея, Скоблика и отложил газету в сторону. Ознакомившись с до-

кументами, о чем-то бойко переговорил с прыщавым подчиненным, дал какие-то указания. Не прошло и минуты, как к ним присоединилась молодая женщина в форме. Она поздоровалась на приличном русском:

– Добрый день! Вам придется представить вещи на досмотр. Пожалуйста, сумки положите на полки. Да, сюда, правильно. Велосипеды прислоните к стене, ближе к рентгеновскому аппарату. Спасибо.

Скоблик помог Тамире и стал рядом с Михеем. Пока начальник смены и его подчиненный выкладывали содержимое сумок на стойку, служащая-переводчик осматривала велосипеды. По мнению Дикарки, она много раз видела маунтинбайки, научилась прилично разбираться в них. Выстроив опрос на спортивной теме, она поинтересовалась:

– Вы прибыли в нашу страну на тридцать дней по индивидуальному туру. Где вы намерены провести это время? Секунду. – Она повторила вопрос по-итальянски. Старший инспектор, изучающий видеокамеру, снова бросил короткий взгляд на туристов.

– В Лацио, – ответил Михей.

Агенты штудировали особенности этой области до тошноты. Даже Дикарка своими словами не смогла бы рассказать. Спросил бы у нее пучеглазый инспектор, на которого она обратила внимание, она бы отрапортовала: «Регион Лацио расположен в самом центре страны. Хотя вершины Апеннин в целом уступают по высоте альпийским, на территории Лацио

есть несколько высоких гор, превышающих две тысячи метров».

Михей будто подслушал Дикарку и назвал их:

– Монте-Терминилло и Монте-Петрозо. Там есть несколько приличных маршрутов. Погоняем по ним, найдем что-то новое.

Дикарке показалось, для итальянцев это прозвучало диссонансом: четыре пятых территории Италии представляют собой горы, две горные системы – Апеннины и южные склоны Альп. Даже сообщения со странами Европы проходят через перевалы, лежащие на высоте двух тысяч метров.

Таможенный инспектор в это время разглядывал карту Лацио с проложенными горными маршрутами.

– Секунду. Почему вы выбрали такой маршрут? Вместо того чтобы лететь самолетом в Рим, от которого до названных вами горных вершин рукой подать, вы приземлились в пятистах километрах севернее.

– Сначала венецианские каналы осмотрим, на гондоле поплаваем, – ответил Михей. – До Рима на поезде доберемся, заодно природу посмотрим.

Прежде чем отправиться в Равенну, агентам было необходимо совершить ряд ознакомительных туров по Венеции, городу, через который лежал эвакуационный коридор. Это была важная часть задания, и в плане операции ей отводилось не менее двух дней. В первую очередь, это знакомство с портом, работой пограничников на линии паромной пере-

правы. Не той работой, которая всегда на виду, а скрытой от посторонних глаз. Как ведут себя пограничники во время кратковременных и длительных перерывов, изучают ли повторно паспорта пассажиров, прибывших из Хорватии. На этом пункте действовали строгие правила: пассажир парома мог пройти в город при одном условии: оставить свой паспорт на посту. И если вдруг документ затеряется, пассажира ждут большие неприятности, поскольку он подпадал под категорию нелегала. Ни один пограничник не признает вину за утерю документа.

Наблюдение – профессия Дикарки. Уже сейчас она могла сказать, что легко справляется с заданием.

В этом помещении находился дополнительный рентгеновский аппарат модели «А», позволяющий исследовать крупные предметы. О нем Дикарка знала если не все, то многое. Его регулируемый электронный таймер автоматически задавал время анализа однотипных предметов без необходимости каждый раз устанавливать это время вручную. Оператор не стал перенастраивать установку. Он произвел осмотр напичканных оружием велосипедов через экран, который обеспечивал его защиту.

– Ну что там? – спросил начальник смены.

– Ничего, – покачал головой оператор. И перешел на шутливый тон. – Зубчатые передачи без изъянов, рамы без единой трещины. Распишитесь в талоне техосмотра.

Инспектор привлек к себе внимание Тамиры, поманив ее

пальцем.

– Капелли д’анджело. – Он, казалось, изучал схему плетения африканских косичек. – Вот, оказывается, как это выглядит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.